

ISSN 0202-151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР



ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1986

5



ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1986

5

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР
И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ,
акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР
Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, акад. АН УзССР М. К. НУРМУ-
ХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР
Х. Т. ТУРСУНОВ, чл.-кор. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМА-
НОВ, чл.-кор. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, чл.-кор. АН
УзССР А. А. АСКАРОВ, чл.-кор. АН УзССР М. А. АХУНОВА,
чл.-кор. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, чл.-кор. АН УзССР
П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР В. В. КИМ, чл.-кор.
АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕ-
НОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР С. П. ТУР-
СУНМУХАМЕДОВ, чл.-кор. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ,
чл.-кор. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, чл.-кор. АН
УзССР А. Х. ХИКМАТОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮ-
МОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного*
редактора), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ,
доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, Б. И. КНОПОВ
(*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Л. П. Тюрина*

Сдано в набор 11.06.86. Подписано к печати 24.06.86. P00135. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,20. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 1135.
Заказ 120. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР, Ташкент, 700047, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1986 г.

Решения XXVII съезда КПСС — в жизнь!

Л. М. БУРХАНОВА

**ВОПРОСЫ ФЕДЕРАЦИИ И СОВЕТСКОГО
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В ПРОГРАММАХ КПСС**

XXVII съезд КПСС, ставший выдающимся событием современности, внес крупный вклад в дальнейшее развитие марксистско-ленинской теории, в том числе в разработку вопросов советского национально-государственного строительства и федерации. Изучение исторического опыта национальной политики КПСС, осмысление ее современных проблем имеют большое значение для нашей партии и всего советского народа. В связи с принятием новой редакции Программы КПСС приобретает особый интерес развитие нашей партией взглядов на федерацию и советскую национальную государственность в рамках единого федеративного многонационального государства.

Как известно, в условиях зарождения капитализма, формирования в России самостоятельных наций, стремления буржуазии угнетенных народов к образованию самостоятельных национальных государств единственно правильным требованием программы пролетарской партии по национальному вопросу было требование права наций на самоопределение, а значит и на самостоятельное государственное существование. Вопрос о праве наций на самоопределение В. И. Ленин ставил в тесной связи с классовой борьбой пролетариата. «Интересам именно этой борьбы,— указывал В. И. Ленин,— должны мы подчинять требование национального самоопределения»¹. Этот пункт программы предусматривал право каждой национальности самостоятельно определять свою судьбу, вплоть до принятия решения об отделении и образовании своего независимого государства. Это программное положение было средством борьбы с межнациональной рознью, ибо признание и осуществление права наций на самоопределение способствовало действительно демократическому сближению наций и обеспечивало солидарность рабочих всех национальностей.

Но требования Программы РСДРП по национальному вопросу этим не ограничивались. Наряду с § 9 в программу вошли: § 7, требующий уничтожения сословности и установления полного равноправия всех граждан независимо от расовой и национальной принадлежности; § 8, требующий введения родного языка наравне с государственным языком во всех общественных и государственных учреждениях, а также областного самоуправления для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения.

Непосредственно вопросы федерации и национально-государственного строительства в рамках федерации первая Программа партии не рассматривала. Это объясняется тем, что в тех конкретно-исторических условиях России необходимо было сплотить трудящихся разных национальностей для свержения царизма и образования крупного централизованного демократического государства. Чтобы выступить против самодержавия организованно, единым фронтом, партии большевиков необходимо было объединить пролетариат и всех трудящихся угнетенных наций вокруг русского пролетариата. Провозглашение же и пропаганда

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 235.

требования федерации в государственном устройстве народов России в то время могли бы ослабить существовавшие экономические и другие связи национальных районов с Центральной Россией, нанести ущерб интернациональному единству классовой борьбы пролетариата.

Решительное возражение против создания федерации в России того времени В. И. Ленин выразил в письме С. Г. Шаумяну: «Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства»².

Дальнейшее развитие революционного движения, обострение национального вопроса, изменение конкретно-исторических условий в стране вызвали необходимость в признании приемлемости для России федеративной формы государственного устройства. В. И. Ленин на основе конкретно-исторического анализа сложившейся в стране обстановки констатировал, что взаимоотношения наций в России сложнее, чем в других странах, а потому путь к единству рабочих разных наций мог лежать и через федерацию.

Таким образом, В. И. Ленин допускал теперь возможность создания федерации, когда этого требуют интересы революции и диктатуры пролетариата, интересы установления дружбы и братства между нациями³. Это еще раз подчеркивает тот факт, что национальный вопрос рассматривался В. И. Лениным конкретно-исторически, в рамках общего вопроса о социалистической революции и диктатуре пролетариата, как его составная часть.

Итак, в новых исторических условиях В. И. Ленин пришел к выводу, что именно федерация послужит вернейшим шагом к самому прочному объединению различных национальностей России в единое централизованное демократическое Советское государство. Во второй Программе партии, принятой после победы Октября VIII съездом РКП(б) в 1919 г., было записано, что «как одну из переходных форм к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу»⁴. В отличие от первой Программы, вторая Программа партии не только закрепила федерацию, но и развила основные требования по национальному вопросу, содержащиеся в первой Программе, — сближение пролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии, уничтожение привилегий любых национальных групп, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение.

На VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин, разъясняя необходимость федеративного объединения советских республик и имея в виду образование советских республик на Украине, в Белоруссии и Прибалтике, а также провозглашение автономии Туркестана, говорил: «То, что мы пишем в программе, есть признание того, что случилось на деле после эпохи, когда мы писали о самоопределении наций вообще»⁵.

Советская федерация обеспечила добровольный характер объединения народов в едином государственном союзе; планомерное и пропорциональное хозяйственное развитие как отдельных республик, так и федерации в целом; полное равноправие всех национальностей, учет разнообразия быта, культуры и экономики различных наций, народностей, стоявших на разных ступенях экономического и культурного развития; укрепление братского сотрудничества на основе пролетарского интернационализма между народами, вступившими в федеративную связь, и предоставление им широкой автономии в государственном устройстве; объединение военных, дипломатических и экономических

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 235.

³ См.: Агзамходжаев А. А., Уразаев Ш. З. СССР — единое советское многонациональное государство. Ташкент, 1982. С. 32.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 2. М., 1970. С. 45.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 159.

сил советских республик для борьбы с капиталистическим окружением, обеспечения внешней безопасности. Классовая природа, сам характер Советской власти обусловили необходимость объединения советских республик.

Советская федерация убедительно подтвердила свою жизненность. Об этом ярко свидетельствовали создание РСФСР, ЗСФСР и особенно образование СССР. Вместе с тем время выдвигало новые теоретические и практические проблемы в области национальных отношений. Их развитие, вопросы национально-государственного строительства в условиях полной и окончательной победы социализма в СССР были отражены в третьей Программе КПСС, принятой в 1961 г. XXII съездом партии. В ней была четко выражена идея о том, что в период строительства коммунизма советский федерализм не только сохраняет свое значение, но и возрастает его роль как оправдавшей себя формы государственного устройства, обеспечивающей тесное экономическое и социально-политическое единство советских народов и решение других актуальных задач. Программа партии предусматривала дальнейшее совершенствование форм национальной государственности народов СССР.

В Программе отмечалось, что для национальных отношений в СССР характерны расцвет и сближение социалистических наций. «В условиях социализма происходит расцвет наций, укрепляется их суверенитет»⁶ — идет бурное и всестороннее развитие каждой нации, расширяются права союзных и автономных республик. Суверенитет социалистических наций осуществляется в форме национальных государств (союзные и автономные республики) и национальных образований (автономные области и округа). Суверенность национальных республик и равноправие народов выражаются и в особом их представительстве в Верховном Совете СССР.

В Программе КПСС дана была характеристика и другой тенденции, выражающейся во все большем сближении социалистических наций, усилении их взаимосвязи. Отмечалось, что «создание материально-технической базы коммунизма потребует еще более тесной взаимосвязи и взаимопомощи советских республик»⁷. Каждая советская республика может процветать и укрепляться лишь в великой семье братских социалистических наций СССР.

Всестороннее сближение наций на основе полной общности их экономических, политических и духовных интересов, братской дружбы и сотрудничества — вот путь, который ведет к стиранию национальных различий. Партия не ставит своей задачей ускорение этого процесса. Искусственное подталкивание сближения наций, как и сдерживание его, могут нанести вред. Все вопросы национальных взаимоотношений партия решает на основе неуклонного проведения ленинской национальной политики.

Федеративная форма государственного устройства позволяет сочетать национально-специфические интересы отдельных народов с общими интересами и целями советского народа в целом, проводить экономическую интеграцию советских народов с учетом сочетания общифедеративных интересов с интересами национальных республик. Поэтому в Программе КПСС ставилась задача и впредь проводить политику, обеспечивающую фактическое равноправие всех наций, народностей с полным учетом их интересов, уделяя особое внимание тем национальным районам страны, которые еще нуждаются в более быстром экономическом развитии. На основе принципа социалистического интернационализма в Советах представлены все нации и народности нашей страны. Советский федерализм выступает и политическим средством

⁶ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 112.

⁷ Там же. С. 114.

борьбы против националистических пережитков, национального эгоизма, местничества и протекционизма.

Время подтвердило правильность основных теоретических и политических установок третьей Программы партии. Но за минувшие четверть века произошли большие изменения во внутренней жизни нашего государства и на мировой арене, более конкретно определились перспективы дальнейшего развития советского общества, а в результате стало необходимым принятие новой редакции Программы партии. Важнейшие задачи политики партии на современном этапе и пути их решения четко определены ее XXVII съездом и глубоко отражены в новой редакции Программы КПСС. Это в полной мере относится и к национальной политике партии.

«...Национальный вопрос, оставшийся от прошлого, в Советском Союзе успешно решен»⁸, — так в новой редакции Программы партии определены итоги исторического пути, пройденного многонациональным советским народом. Победа Октября навсегда покончила с национальным гнетом и неравноправием народов нашей страны, добровольно объединившихся в едином многонациональном государстве — Союзе Советских Социалистических Республик. В ходе социалистического строительства обеспечен быстрый экономический, социальный и культурный прогресс всех наций и народностей.

Как подчеркнуто в новой редакции Программы КПСС, для национальных отношений в советском обществе характерны как дальнейший расцвет наций и народностей, так и их неуклонное сближение, которое происходит на основе добровольности, равенства, братского сотрудничества. В отдаленной исторической перспективе это развитие приведет к полному единству наций. Но партия предостерегает как от искусственного подталкивания, так и от сдерживания назревших объективных тенденций развития.

Новая редакция Программы КПСС придает большое значение укреплению и развитию единого Советского многонационального государства, нацеливает на развитие общих для всех республик начал. Единое союзное многонациональное государство представляет собой наиболее оптимальную государственную форму сплочения советских наций и народностей ради достижения программных целей партии. КПСС заботится о максимально полном использовании широких прав и возможностей всех союзных и автономных республик, областей и округов, все более активном участии трудящихся всех национальностей в работе органов власти и управления. Последовательное повышение роли Советов в обеспечении экономического и социального развития республик, правильное сочетание территориальных и отраслевых начал в управлении призваны оградить общество как от проявлений национальной ограниченности и местничества, так и от пренебрежительного отношения к специфическим интересам наций и народностей. В соответствии с новой редакцией Программы КПСС, партия будет и в дальнейшем обогащать формы межнациональных отношений в интересах советского народа и каждой нации и народности на основе творческого применения ленинских принципов социалистического федерализма и демократического централизма.

Жизнь выдвигает все новые задачи по совершенствованию национальных отношений. Партия решала и будет решать их на основе испытанных принципов ленинской национальной политики.

В новой редакции Программы КПСС указано, что курс партии — наращивание материального и духовного потенциала каждой республики в рамках единого народнохозяйственного комплекса. Исходя из этого, в Программе поставлены следующие задачи: сочетать инициативу союзных и автономных республик, автономных областей и округов

⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986. С. 43.

с централизованным управлением в общесоюзном масштабе, рационально использовать ресурсы всей страны и местные, углублять разделение труда между республиками, выравнивать условия хозяйствования, активизировать экономическое освоение республиками новых районов, развивать межреспубликанский обмен кадрами, улучшать подготовку квалифицированных работников из граждан всех наций и народностей, проживающих в республиках. Линия партии ясна: надо, чтобы росли возможности каждой республики вносить эффективный вклад в развитие экономики Советского Союза как единого народнохозяйственного комплекса, причем общенародные интересы следует ставить превыше всего.

В Программе партии уделено большое внимание и развитию социалистической по содержанию, многообразной по национальным формам, интернационалистской по духу единой культуры советского народа, которое происходит на основе лучших достижений и традиций народов СССР. Сближение, взаимодействие и взаимовлияние национальных культур, формирование единой культуры советского народа, гармонически сочетающей национальное и интернациональное, открывают советским людям широкие возможности для приобщения ко всему прекрасному, созданному талантами каждого народа нашей страны.

Расцвету и сближению социалистических наций и народностей способствует и политика КПСС в области языковой жизни, обеспечивающая свободное развитие и равноправное использование советскими людьми родных языков. Вместе с тем в СССР возрастает роль языка межнационального общения, каковым на добровольной основе стал русский язык, — владение им позволяет усваивать новейшие достижения науки и техники, отечественной и мировой культуры.

«...Наши достижения, — говорилось на XXVII съезде партии, — не должны создавать представления о беспроблемности национальных процессов»⁹. Требуют глубокого изучения такие проблемы, как развитие национальных отношений, упрочение и развитие единого многонационального государства, повышение вклада союзных и автономных республик, автономных областей и округов в развитие единого народнохозяйственного комплекса в соответствии с их возрастающим экономическим и духовным потенциалом, представление в партийных и советских органах республик и Союза в целом всех национальностей страны, приобщение к изучению русского языка все большего числа советских людей, уделение постоянного внимания вопросам интернационального воспитания советских людей и т. д. Решение этих задач требует особой чуткости и осмотрительности во всем, что затрагивает интересы каждой нации и народности, а вместе с тем — принципиальной борьбы против любых проявлений местничества, национализма и шовинизма. Итак, новая редакция Программы КПСС отразила изменения, происшедшие в социально-экономической и политической жизни страны. Вместе с тем она дает более полную характеристику и выдвигает новые задачи по совершенствованию национальных отношений и национально-государственного строительства в СССР. При этом партия неизменно руководствуется принципами ленинской национальной политики, нацеленной на укрепление дружбы и братского сотрудничества народов СССР. Эта политика есть важная «составная часть совершенствования социализма, проверенный общественной практикой путь к дальнейшему процветанию нашей многонациональной социалистической Родины»¹⁰.

⁹ Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду партии. М., 1986. С. 67.

¹⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза... С. 157.

XXVII СЪЕЗД КПСС И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

XXVII съезд КПСС с новой силой выразил неизменную солидарность нашей партии с силами национального и социального освобождения, с борьбой народов развивающихся стран против империализма, неоколониализма, расизма, сил внутренней реакции, за подлинную независимость, демократию, мир и социальный прогресс.

Как подчеркнуто в утвержденной съездом новой редакции Программы КПСС, «антиимпериалистическая борьба сбросивших колониальное ярмо народов и стран за упрочение своей независимости, за социальный прогресс» является «составной частью мирового революционного процесса»¹.

Суть политики империализма в отношении развивающихся стран состоит в том, что, «используя экономическую и технологическую зависимость, неравноправное положение освободившихся стран в мировом капиталистическом хозяйстве, империализм нещадно эксплуатирует их, взимая многомиллиардную дань, истощающую экономику этих государств. Гигантская задолженность стран Азии, Африки и Латинской Америки индустриально развитым капиталистическим государствам стала одним из важных каналов их эксплуатации империализмом, прежде всего американским»².

Невиданная интенсификация империалистической эксплуатации, усиление финансового гнета стали одной из основных причин осложнений в социально-экономическом положении развивающихся стран. Ныне во всех сферах народного хозяйства этих стран функционирует около 28 тыс. филиалов иностранных монополий, в том числе 11,7 тыс. американских, 6 тыс. британских, 1,8 тыс. японских, а также сотни французских, западногерманских, бельгийских и т. д.³ Они владеют значительной частью природных ресурсов этих стран, выкачивая оттуда несметные богатства. Транснациональные корпорации, контролирующие более 90% всех частных зарубежных инвестиций в мировом капиталистическом хозяйстве, за каждый доллар, вкладываемый в развивающиеся страны, получают более 4 долл. А по региону Латинской Америки и Карибского бассейна прибыли монополий США за последнее десятилетие превысили вложения более чем в 8 раз!⁴

Филиалы концернов империалистических держав, транснациональные корпорации (ТНК) контролируют внешнюю торговлю и внутренний рынок большинства развивающихся стран, сосредоточив в своих руках переработку, хранение и сбыт производимых там товаров. Так, по словам Первого секретаря ЦК Компартии Кубы Фиделя Кастро, ТНК контролируют рынок меди на 85—90%, железной руды — на 90—95%, фосфатов — на 50—60%, бананов — на 70—75%, кофе — на 85—90%, причем страны — производители этих товаров получают не более 10—15% от их стоимости⁵. Все это дает транснациональным корпорациям возможность манипулировать ценами на мировом рынке и навязывать развивающимся странам свои условия.

Превращая развивающиеся страны в сырьевые придатки капиталистических стран, ТНК постоянно добиваются снижения цен на вывозимое оттуда сырье и одновременно взвинчивают цены на свои про-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986. С. 19.

² Там же.

³ Известия. 1986. 11 апр.

⁴ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 21.

⁵ Castro F. La crisis económica y social del mundo. La Habana, 1983. P. 67.

мышленные товары. По утверждению Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра, цены на сырье в реальном выражении упали до самого низкого с 30-х годов уровня и продолжают падать. Так, в 1960 г. продажа 1 т кофе позволяла приобрести 37,3 т минеральных удобрений, в 1982 г. — 15,8 т; в 1960 г. продажа 1 т бананов позволяла импортировать 13 т нефти, в 1982 г. — лишь 1,6 т; в 1959 г. для закупки одного трактора мощностью 60 л. с. хватало выручки от продажи 24 т сахара, а в конце 1982 г. его необходимо было продать уже 115 т⁶.

Манипуляции ТНК ценами ярко прослеживаются на примере давления империалистического нефтяного картеля на нефтяную политику стран — членов ОПЕК. Как известно, в начале 70-х годов эти страны благодаря объединенным усилиям сумели существенно подорвать систему колониально-монополистической эксплуатации своих природных ресурсов и в результате растущей инфляции установить свои цены на нефть, которые в 1973—1974 гг. возросли почти вчетверо. К концу 70-х годов в связи с антишахской революцией в Иране и некоторым сокращением добычи нефти в этой стране империалистические монополии, закупая весь наличный товар на рынке нефти, способствовали созданию искусственной кризисной ситуации, в результате чего цены на нефть увеличились еще в 2,5 раза. Всего за 1970—1982 гг. цены на нефть, с учетом инфляции, возросли в 20 раз⁷.

Доходы нефтедобывающих стран возрастали; они добывались это благодаря тому, что обеспечивали 90% экспорта нефти в капиталистическом мире. Однако львиная доля доходов стран — экспортеров нефти оказывалась в конечном счете в распоряжении империалистических нефтяных монополий и транснациональных банков. В значительной мере за счет этих средств объем одного лишь рынка евродолларов за 1971—1982 гг. вырос в 12 раз⁸. Но империалистическим державам этого было недостаточно. Они стремились подчинить себе организацию нефтедобывающих стран, всячески ослабить их роль в экспорте нефти в капиталистическом мире. В результате доля стран — членов ОПЕК в добыче нефти сократилась за последние годы с 2/3 до 2/5, а в экспорте — с 90 до 60%. Цены же на нефть, постоянно подвергаясь сокращению в течение последних четырех лет, в первом квартале 1986 г. дошли до самой низкой черты — 11—12 долл. за баррель, или почти втрое меньше, чем в конце 1985 г.⁹ Как пророчески указывал В. И. Ленин, «с концентрацией капитала и ростом оборотов банков... горстка монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества...»¹⁰

Одной из форм неоколониальной эксплуатации развивающихся стран является деятельность транснациональных банков, предоставляющих им ссудный капитал. Поставка капитала, который гарантируется правительствами этих стран, настолько выгодна и бесхлопотна для поставщиков, что внешние займы стали не просто доступными, а даже навязывались транснациональными банками и ТНК. В результате внешняя задолженность развивающихся стран банкам и финансовым организациям ведущих капиталистических держав достигла к концу 1985 г., по данным ООН, астрономической цифры — триллиона долларов, увеличившись по сравнению с 1960 г. в 54 раза. И она продолжает безудержно расти.

Обострение проблемы внешней задолженности развивающихся стран вызвано также манипулированием США и другими кредиторами банковскими процентными ставками, которые возросли до 20%. По-

⁶ Там же. С. 65.

⁷ Известия. 1986. 15 апр.

⁸ Общий кризис капитализма и проблема внешнего долга Латинской Америки//Проблемы мира и социализма. 1986. № 4. С. 47.

⁹ Известия. 1986. 15 апр.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 330.

этому сумма выплат по процентам на займы растет значительно быстрее самой внешней задолженности. Так, если суммарная задолженность развивающихся стран увеличилась с 1980 по 1985 г. на 60%, то выплаты по процентам возросли на 130%. За последние четыре года страны Латинской Америки только в виде процентов выплатили кредиторам 106 млрд. долл. В целом за 1975—1985 гг. развивающиеся страны выплатили своим кредиторам в виде текущих погашений долгов и процентов астрономическую сумму — 900 млрд. долл.! Однако суммарный долг их отнюдь не уменьшился, а напротив, вырос более чем в 3,5 раза¹¹.

США беззастенчиво спекулируют положением державы, чья денежная единица принята в качестве международной меры стоимости. Они манипулируют не только учетными ставками, но и эмиссией доллара, его обменными курсами, не пренебрегая даже прямой контрабандой валюты. А в итоге идет усиленная «перекачка» капитала из других государств в США. До 40% американского бюджетного дефицита покрывается за счет искусственно завышенного курса доллара и намеренно поднимаемых процентных ставок ссудного капитала¹². Описывая приемы и ухищрения, с помощью которых США покрывают колоссальные военные расходы и поддерживают жизнеспособность своей экономики, французская газета «Монд дипломатик» писала: «Только страна, контролирующая доллар, в состоянии позволить себе подобную роскошь. А расплачиваться приходится другим»¹³.

Внешняя задолженность развивающихся стран уже вышла за рамки их реальных финансовых возможностей; только на выплату процентов уходит более трети поступлений от их экспорта, а у ряда развивающихся стран, в частности латиноамериканских, сумма выплат по процентам втрое превышает их экспорт. На каждого латиноамериканца приходится внешнего долга более чем 1 тыс. долл. — сумма, равная годовому доходу на душу населения этих стран. Их колоссальные долги абсолютно невозможно ни выплатить, ни взыскать, и положение этих стран, как заявил в своем выступлении на XXVII съезде КПСС Фидель Кастро, стало совершенно невыносимым.

В результате беззастенчивой империалистической эксплуатации развивающиеся страны, где проживает более 2 млрд. человек, стали практически сплошным регионом бедности. В начале 80-х годов уровень доходов на душу их населения в целом был в 11 раз ниже, чем в развитых капиталистических странах¹⁴. В латиноамериканских странах, например, лишь за последние годы вдвое выросла безработица. Повсеместно наблюдается упадок производства. Свыше 1 млрд. человек в развивающихся странах страдают от голода, недоедания или неполноценного питания¹⁵.

Страны же НАТО, где продовольствия производится больше, чем потребляется, и экспорт продуктов питания является экономической необходимостью, даже продовольствие включают в сферу спекуляции или используют как политическое оружие. Они продают его в первую очередь государствам с консервативными режимами, а в отношении государств социалистической ориентации проводят политику экономической дискриминации, если даже они крайне нуждаются в продовольствии вследствие засухи или неурожая.

Чтобы как-то решать проблему внешнего долга, развивающиеся страны вынуждены бывают идти на сокращение импорта, снижение

¹¹ Известия. 1986. 11 апр.

¹² Вальтер Брайер. Экономическая отсталость — проблема глобальная// Проблемы мира и социализма. 1986. № 3. С. 79.

¹³ Le Monde Diplomatique. 1985. Février. P. 1.

¹⁴ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС... С. 20.

¹⁵ Голод в афро-азиатских странах: проблемы ждут решения// Проблемы мира и социализма. 1986. № 2. С. 36.

уровня жизни населения, урезание программ развития настолько, что это приводит к весьма серьезным социальным и даже политическим последствиям. Империалистические же державы во главе с США активно используют долговое закабаление развивающихся стран для сохранения неравноправных экономических отношений и перекладывают на них тяготы экономического кризиса и подготовки к войне. По данным канадского исследователя Оливия Уорда, 940 млрд. долл., израсходованных на цели обороны в 1985 г. во всем мире, значительно превосходят суммарный доход беднейших стран мира¹⁶. Как с тревогой указывали на 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН представители многих стран, ныне сложилась парадоксальная ситуация, когда развивающиеся государства, перенапрягая свои ресурсы, свертывая самые насущные программы социально-экономического развития для выплаты процентов по долгам, по сути дела финансируют развитие экономики своих кредиторов — развитых капиталистических держав. Президент Бразилии Ж. Сарней, например, говорил на 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «Все наши усилия направлены на то, чтобы перевести валютные поступления тем странам, которые подавляют нас и предпринимают против нас дискриминационные меры»¹⁷.

Народы развивающихся стран требуют отмены несправедливого, абсурдного долга, который не может быть уплачен, прекращения неравноправного обмена, грабежа природных и людских ресурсов развивающихся стран и установления новых, справедливых экономических отношений. Ф. Кастро в одном из своих интервью отмечал, что «все расчеты, все соображения экономического, политического и морального порядка приводят к выводу о невозможности выплаты внешнего долга Латинской Америки и необходимости его отмены»¹⁸.

Вопрос о возрастающей роли борьбы развивающихся стран за новый международный экономический порядок стал темой международного симпозиума, организованного журналом «Проблемы мира и социализма» в 1985 г. в Праге, где принимали участие представители братских партий и ученые из 28 стран. Участники симпозиума назвали экономическое положение развивающихся стран «крайне тяжелым», деятельность ТНК «подлинно империалистической», а внешний долг этих стран — «самым сильным оружием, примененным империализмом с целью навязать свою волю странам Азии, Африки, Латинской Америки»¹⁹.

«Бедственное положение развивающихся стран — крупнейшая общемировая проблема, — говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. — В этом, а не в чем-то другом подлинные истоки многих конфликтов в Азии, Африке, Латинской Америке»²⁰. Советский Союз всегда выступал за поддержку интересов развивающихся стран в их борьбе с империалистическими транснациональными корпорациями и указывал на верные источники помощи развивающимся странам. Еще в 1973 г. на XXVIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН Советский Союз выступил за сокращение военных бюджетов членов Совета Безопасности на 10% и передачу части сэкономленных таким образом средств в фонд помощи развивающимся государствам. В январе 1986 г. был опубликован Меморандум Советского правительства об оздоровлении международных экономических отношений, в котором, в частности, говорится: «Прекращение гонки вооружений, ликвидация ядерного и химического оружия, существенное сокращение

¹⁶ Toronto Star. 1986. March 2.

¹⁷ Евгеньев Н. Международная экономическая безопасность//Новое время. 1986. № 6. С. 13.

¹⁸ Granpa, 1985, 30 de marzo.

¹⁹ Новый международный экономический порядок: позиция коммунистов//Проблемы мира и социализма. 1985. № 6. С. 55.

²⁰ Горбачев М. С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС... С. 21.

военных расходов государств — это наиболее реальный и эффективный источник средств, столь необходимых для экономических и социальных нужд развивающихся стран, для решения таких глобальных проблем человечества, как преодоление экономической отсталости, ликвидация обширных зон голода, нищеты, эпидемических болезней, неграмотности»²¹.

XXVII съезд КПСС еще раз подтвердил, что Советский Союз твердо стоит на стороне государств и народов, отражающих атаки агрессивных сил империализма, отстаивающих свою свободу и экономическую безопасность. Солидарность с ними СССР рассматривает как важную часть общей борьбы за мир и международную безопасность. В новой редакции Программы КПСС говорится: «КПСС выступает в поддержку справедливой борьбы стран Азии, Африки и Латинской Америки против империализма и гнета транснациональных монополий, за утверждение суверенного права распоряжаться собственными ресурсами, за перестройку международных отношений на равноправной, демократической основе, за создание нового международного экономического порядка, за избавление от долговой кабалы, навязанной империалистами»²². В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии выдвинуты конкретные предложения — о совместном поиске путей справедливого урегулирования проблемы задолженности; установлении нового мирового экономического порядка, гарантирующего равную экономическую безопасность всех государств; разработке принципов использования на благо мирового сообщества, прежде всего развивающихся стран, части средств, которые будут высвобождаться в результате сокращения военных бюджетов.

В материалах XXVII съезда подчеркнуто, что выкачиваемые из развивающихся стран миллиарды долларов тратятся на гонку вооружений, подготовку к войне. Сокращение военных расходов избавило бы развивающиеся страны от многих несчастий и открыло бы перед ними широкие перспективы развития. Как писал Фидель Кастро, для покрытия внешнего долга Латинской Америки было бы достаточно всего 10—12% этих расходов²³. Лишь 5% ежегодных расходов на вооружение хватило бы для того, чтобы обеспечить, например, обработку сельскохозяйственных площадей, способных прокормить 500 млн. людей; организовать обучение грамоте 700 млн. человек; предоставить жилища 300 млн. обитателей трущоб; обеспечить питанием 200 млн. голодающих детей; охватить обучением в школе 100 млн. детей²⁴. Американский эксперт по проблемам голода А. Хюбнер, опровергая мнение о том, что Африка находится в огромной зависимости от продовольственной помощи и способна выжить лишь благодаря массированному ее поставкам, утверждает, что на деле «Африка является богатым и постоянным источником культур, ежедневно потребляемых развитыми странами, — мяса, овощей, чая, кофе, какао, сахара — и даже свежих цветов к обеденному столу»²⁵.

Народы Азии, Африки, Латинской Америки все яснее понимают, что главная причина их несчастий коренится в неокOLONIALНОЙ эксплуатации их природных богатств, в неравноправных международных экономических отношениях. Поэтому представители политических партий и организаций развивающихся стран, участвовавшие на XXVII съезде КПСС, активно поддержали план поэтапного разоружения до 2000 г., выдвинутый М. С. Горбачевым 15 января 1986 г., и Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду партии, где показана прямая связь между разоружением и перспективами решения проблем разви-

²¹ Правда. 1986. 28 янв.

²² Программа Коммунистической партии Советского Союза... С. 66.

²³ Granma. 1985. 30 de marzo.

²⁴ Правда. 1986. 3 марта.

²⁵ International Herald Tribune. 1985. July 19.

вающихся стран и внесено конкретное предложение о созыве Всемирного конгресса по проблемам экономической безопасности. «Нет сомнения, что план поэтапного разоружения, выдвинутый тов. М. С. Горбачевым, встретит самый положительный отклик во всем мире», — заявил Генеральный секретарь Партии прогресса и социализма Марокко Али Ята. «Ваш съезд с необычайной четкостью определил тесную взаимосвязь между проблемами мира и разоружения и проблемами экономического развития освободившихся стран. Поэтому разработанная Советским Союзом программа мира — это боевая программа действий для всех народов мира», — сказал Генеральный секретарь Организации солидарности народов Азии и Африки Нури Абдель Раззак. — Выдвинутые в докладе предложения о созыве в будущем Всемирного конгресса по проблемам экономической безопасности, где в комплексе можно было бы обсудить все, что отягощает мировые хозяйственные связи, несомненно, получают полную поддержку народов и правительств «третьего мира», многих других государств, а также Движения неприсоединения»²⁶.

Освободившиеся страны, прежде всего социалистической ориентации, развиваются в чрезвычайно сложных условиях. Империализм оказывает непрерывное давление на развивающиеся страны не только через финансово-экономические рычаги, но и политическими методами, идеологическими диверсиями, военным вмешательством, всячески стремится подорвать там революционные процессы. Развивающиеся страны социалистической ориентации служат объектом постоянных нападков, подрывных действий, заговоров, государственного терроризма. Создавая в различных районах мира очаги напряженности, превращая в кровоточащую рану Афганистан, способствуя продолжению ирано-иракской войны, вооружая контрреволюционные силы против Никарагуа и постоянно угрожая ей военным вмешательством, подвергая бомбардировкам такие суверенные государства, как Ливия и Ливан, неокOLONIALISTСКИЕ круги и их приспешники пытаются доказать «невозможность» построения социализма в освободившихся странах, утверждают, будто там нет классовой борьбы, а есть лишь противоборство народностей, племен и кланов. Поддерживая сионистский Израиль в его агрессивной борьбе против арабских стран, вооружая и поддерживая реакционные силы в Пакистане, расистов в ЮАР, увязывая проблемы всеобщего мира с положением дел в Никарагуа, Афганистане, Кампучии, Анголе, Эфиопии и т. п., Вашингтонская администрация перед всем миром демонстрирует свою крайнюю реакционность и враждебность к революционным процессам и национально-освободительным движениям народов развивающихся стран.

В этих условиях Советский Союз считает своим интернациональным долгом оказание всемерной поддержки народам, борющимся за свою свободу и независимость. С трибуны XXVII съезда КПСС еще раз торжественно было заявлено, что СССР выступает за то, чтобы активизировать коллективные поиски путей разблокирования конфликтных ситуаций на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Америке, на юге Африки, во всех бурлящих точках планеты. Этого настоятельно требуют интересы всеобщей безопасности, говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. Советский Союз неоднократно выступал за мирное урегулирование ирано-иракского конфликта, продолжающегося уже шестой год и принесшего неисчислимые бедствия воюющим сторонам, и изъявил готовность способствовать достижению мирного исхода конфликта. Советское правительство неоднократно делало официальные заявления по вопросам мирного решения ближневосточного конфликта, палестинской проблемы, в защиту народов Центральной Америки, Юго-Восточной Азии, Южной Африки, подвергающихся агрессивным действиям империализма. Все эти меры,

²⁶ Правда. 1986. 6 марта.

как и Программа мира, выдвинутая М. С. Горбачевым в заявлении от 15 января 1986 г., отвечают жизненным интересам всех народов. Они вселяют уверенность в возможность решения острых проблем развивающихся стран.

Выражая мнение общественности развивающихся стран, заместитель председателя Перуанской апристской партии, входящей в Социнтерн, К. Э. Мельгара заявил: «С точки зрения народов Латинской Америки, и особенно таких стран, как наша, которые опутаны внешним долгом, представляет большой интерес высказанное на XXVII съезде КПСС пожелание созвать в будущем Всемирный конгресс по проблемам экономической безопасности. Если эту проблему не решить, под угрозой окажется вся мировая финансовая система. Так что выдвинутая здесь идея безусловно актуальна, и мы ее горячо одобряем»²⁷.

Сам факт существования мира реального социализма, его всесторонняя поддержка народов развивающихся стран лишают империализм возможности диктовать им свою волю. Этот курс на неизменную солидарность с народами развивающихся стран с новой силой подтвердил XXVII съезд КПСС, руководствуясь принципами интернационализма, всемерного сплочения народов всей планеты в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс.

Д. В. Валиева

КПСС ХХVII СЪЕЗДИ ВА ҲОЗИРГИ ЗАМОН МИЛЛИЙ-ОЗОДЛИК ҲАРАКАТИНИНГ БАЪЗИ БИР МАСАЛАЛАРИ

Мақолада КПСС ХХVII съезди ҳужжатларида ривожланаётган давлатлар халқларининг империализм ва неокOLONиализмга қарши олиб бораётган кураши ҳақида фикр юритилади. КПСС ва Совет ҳукуматининг Осиё, Африка ва Лотин Америкаси халқлари миллий-озодлик ҳаракати билан бирдамлиги алоҳида кўрсатиб берилган.

²⁷ Партия Ленина отвечает на вызов эпохи//Проблемы мира и социализма. 1986. № 4. С. 5.

Г. П. САРКИСЯНЦ

УКРЕПЛЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ И ЗАДАЧИ ПРАВОВОЙ НАУКИ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ ХХVII СЪЕЗДА КПСС

Советские люди с огромным интересом продолжают изучать и обсуждать исторические материалы XXVII съезда КПСС и прежде всего — Политический доклад ЦК КПСС, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, принятые съездом важнейшие программные документы — новую редакцию Программы КПСС, Устав партии, Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года. В них ярко выражена непреклонная решимость партии и народа сделать все необходимое для всестороннего совершенствования социалистического общества путем всемерного ускорения его социально-экономического развития на базе научно-технического прогресса в интересах неуклонного укрепления экономической и оборонной мощи страны, дальнейшего роста благосостояния и культуры советских людей, во имя нашей заветной цели — победы коммунизма.

Интенсификация производства, совершенствование социалистических производственных отношений, развитие политической системы советского общества, рост творческой активности масс, воспитание нового человека — все это требует максимальной мобилизации всех ресурсов, использования неизмеримых преимуществ нашего государствен-

ного и общественного строя, повышения роли человеческого фактора, решительного устранения всего, что мешает нашему успешному движению к намеченной цели.

Непременным условием решения этих актуальнейших задач являются всемерное укрепление социалистической законности и порядка, упрочение и развитие такого мощного регулятора общественных отношений, как социалистическое право, выражающее в концентрированном виде волю партии и народа.

Социалистическое право всегда было действенным инструментом укрепления экономических, социальных, политических, идеологических основ советского государственного и общественного строя, нашего социалистического образа жизни, воспитания всех трудящихся в духе строжайшего соблюдения советских законов, нравственных норм и правил социалистического общежития, стимулирования активной жизненной позиции каждого гражданина, его высокой сознательности, дисциплины, решительного неприятия всего чуждого нашему образу жизни, любых пережитков прошлого в сознании и поведении людей на производстве, в обществе и в быту.

Эта роль советского права еще более возрастает в современных условиях, когда партия выдвинула в качестве кардинальной всенародной задачи широкую программу планомерного и всестороннего совершенствования социалистического общества путем ускорения его социально-экономического развития на базе интенсификации научно-технического прогресса.

Намеченные партией грандиозные планы интенсификации социально-экономического развития советского общества требуют всемерного совершенствования и активизации всей системы их правового обеспечения, тщательнейшей регламентации руководства всеми элементами хозяйственного механизма, ибо ни одна экономическая проблема не может быть решена в полной мере успешно без эффективного применения правовых средств. Надлежащего правового обеспечения требуют и поставленные партией задачи социального, политического, духовного развития советского общества.

Весь этот комплекс проблем социалистического права, дальнейшего его совершенствования и неуклонного применения во всех сферах жизни общества нашел глубокое и всестороннее отражение в материалах XXVII съезда КПСС. Его исторические решения, принятые им программные документы нацеливают партийные организации и под их руководством — Советы народных депутатов, хозяйственные органы, общественные организации, граждан — на всемерное укрепление социалистической законности и правопорядка, максимально эффективное, умелое использование правового механизма для успешного решения поставленных партией грандиозных задач. Можно смело сказать, что на XXVII съезде партии вопросы правового строительства впервые были поставлены столь четко, широко, многогранно, в теснейшей связи с актуальнейшими проблемами жизни советского общества.

Политический доклад ЦК съезду, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, дает блестящий образец подлинно научного, глубоко партийного, поистине комплексного подхода к важнейшим проблемам теории социалистического права и практики применения его норм в современных условиях. В нем выдвинута широкая программа работы по совершенствованию действующего законодательства и вместе с тем подчеркнута необходимость неуклонного исполнения имеющихся законов, применения их в полную силу, строжайшего соблюдения режима законности и правопорядка.

М. С. Горбачев подчеркнул, что «в последнее время проведена немалая работа по укреплению правопорядка во всех сферах жизни общества. Но усилия в этом направлении ни в коей мере не могут ослабляться. Предстоит и дальше улучшать качество советских законов. Наше законодательство — гражданское и трудовое, финансовое

и административное, хозяйственное и уголовное — должно еще активнее помогать внедрению экономических методов управления, действенному контролю за мерой труда и потребления, проведению в жизнь принципов социальной справедливости»¹.

М. С. Горбачев обратил особое внимание на то, что задачам расширения и дальнейшего развития социалистического демократизма служит «весь арсенал социально-политических и личных прав и свобод советского человека. Углубление этих прав и свобод, упрочение их гарантий партия и государство рассматривают как свой первейший долг. Но суть социализма такова, что права гражданина не существуют и не могут существовать без его обязанностей, равно как нет и обязанностей без прав»².

Закон действует постольку, поскольку он выполняется всеми и каждым. Поэтому необходимо поднимать активность трудящихся, всех и каждого, в созидательной работе, в преодолении недостатков, злоупотреблений, любых негативных явлений, отступлений от норм нашего права и морали. «Демократия, — указал М. С. Горбачев, — была и остается важнейшим рычагом упрочения социалистической законности, а прочная законность — неотъемлемой частью нашей демократии»³. Эти положения определяют коренные задачи борьбы за строжайшее соблюдение социалистической законности и правопорядка везде и во всем.

Именно на это нацеливают нас положения Политического доклада ЦК КПСС, закрепленные в Резолюции XXVII съезда партии по Политическому докладу ЦК: «Важнейшее значение съезд придает постоянному укреплению правовой основы государственной и общественной жизни, строжайшему соблюдению законов, упрочению гарантий прав и свобод советского человека. Необходимо настойчиво поднимать ответственность кадров правоохранительных и других органов, связанных с практическим применением законов, охраной правопорядка, социалистической собственности, законных интересов советских граждан, решительно повышать эффективность прокурорского надзора, уровень работы судов и адвокатуры, совершенствовать деятельность Государственного арбитража, юридической службы в Советах, на предприятиях и в организациях по дальнейшему укреплению законности в хозяйственных отношениях, государственной и договорной дисциплины. Формирование высокой гражданственности, нравственное и правовое воспитание советских людей, особенно молодежи, должно стать одним из действенных средств развития их социально-политической активности, непримиримости к недостаткам и правонарушениям, заботливого отношения к интересам общества и государства»⁴.

Первостепенное значение имеют укрепление правовой базы планомерного ускорения развития народного хозяйства и управления им, внедрения в него достижений научно-технического прогресса, совершенствование правового регулирования производственных отношений. Как известно, на XXVII съезде КПСС, на XXI съезде Компартии Узбекистана и предшествующих пленумах ЦК КПУз подробно говорилось о допущенных просчетах и недостатках в хозяйственной жизни страны, в том числе Узбекистана, о некоторых застойных явлениях, бесхозяйственности и др.

Одна из причин, породивших эти негативные явления, состоит в том что имеющиеся законы на практике не действовали или действовали половинчато. Чтобы дать решительный бой бесхозяйственности и иждивенчеству, покончить со ссылками на «объективные обстоятель-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 61.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 109—110.

ства», надо без колебаний пресекать любые попытки обхода закона. Приписка, обман государства не рождаются вдруг. Их порождают попустительство, забвение того, что план — это закон, что закон не может быть обойден ни по каким соображениям, ни под каким предлогом.

Совершенно очевидно, что поставленные партией задачи ускорения социально-экономического развития страны требуют дальнейшего совершенствования норм государственного, хозяйственного, финансового права, иных отраслей действующего законодательства и системы ведомственных подзаконных актов, обеспечения их действенного, эффективного применения на практике. Надо поставить на прочную правовую базу государственное планирование, уделить особое внимание планомерной разработке программ подготовки комплекса нормативных актов по совершенствованию хозяйственного механизма, его управления и ускорению научно-технического прогресса, правового регулирования охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов.

Учитывая значимость всемерного развития научно-технического прогресса, следует, видимо, разработать научно обоснованный комплекс действенных правовых норм, стимулирующих ускорение внедрения достижений науки и техники во всех сферах народного хозяйства, в том числе предусматривающих конкретные санкции за ущерб, нанесенный волокитой и бюрократическим отношением к открытиям, изобретениям, рационализаторским предложениям, направленным на совершенствование и создание новой техники, прогрессивной технологии, конструкционных и иных материалов, повышение качества продукции, производительности труда, эффективности производства.

Огромное значение имеет также борьба за строжайший режим экономии. И в этом деле надо активнее использовать правовой механизм, включая применение действенных санкций за бесхозяйственное, расточительное расходование любых ресурсов.

Эти и другие задачи ныне вплотную встали перед нашей правовой наукой и законотворческими органами. На заседании 20 марта 1986 г. Политбюро ЦК КПСС дало указание о необходимости уже в ближайшее время организовать подготовку проектов ряда правовых актов по вопросам выполнения установок съезда. И в это дело должны самым активным образом включиться ученые-юристы, долг которых — подготовить научно обоснованные проекты новых законодательных актов, в полной мере отвечающих положениям XXVII съезда КПСС, обеспечивающих надежную правовую основу реализации поставленных им задач. Но и до разработки этих новых актов партийные, советские, хозяйственные, общественные организации на местах, руководствуясь указаниями съезда, могут и должны энергично и умело использовать имеющиеся правовые рычаги, действующие законы и подзаконные акты для всемерного повышения эффективности работы всех отраслей, всех предприятий, каждого трудового коллектива, строжайшего соблюдения всех требований закона, всех плановых, договорных, социалистических обязательств.

Опираясь на действующие нормы закона, в том числе Закона о трудовых коллективах, партийные, советские, общественные организации должны всемерно содействовать росту творческой инициативы масс, активизации и производственной, и воспитательной — всех сторон деятельности трудовых коллективов, всемерно поддерживать все ценные начинания, почини передовиков, новаторов производства, рационализаторов и изобретателей, решительно пресекать любые злоупотребления, действительно контролировать работу администрации предприятий, хозяйственного аппарата. Надо добиться того, чтобы Закон о трудовых коллективах действовал повсеместно и в полном объеме. Как сказано в Резолюции съезда по Политическому докладу ЦК КПСС, «следует кардинально улучшить механизм практического осуществления демократических принципов и норм, закрепленных в Законе о трудовых

коллективах, расширить круг вопросов, по которым решения трудовых коллективов являются окончательными, поднять роль общих собраний рабочих и служащих, ответственных за выполнение их решений»⁵. Столь же важно «усилить заботу партийных и государственных органов о развитии демократических начал колхозного, кооперативного самоуправления, строгом соблюдении уставов кооперативных организаций»⁶. И здесь свое веское слово должны сказать юристы.

XXVII съезд партии указал, что неизменной задачей остается использование всей силы советских законов в борьбе с преступностью и другими правонарушениями, чтобы люди в любом населенном пункте чувствовали заботу государства об их покое и неприкосновенности, были уверены, что ни один правонарушитель не уйдет от заслуженного наказания. В этой связи Программа партии ставит конкретные задачи перед правоохранительными органами. При этом подчеркивается, что всю практическую работу по укреплению социалистической законности следует вести, «опираясь на поддержку трудовых коллективов, общественных организаций, всех трудящихся»⁷. Вместе с тем указывается, что «КПСС будет активно содействовать повышению действенности государственного и общественного контроля. Работу трудящихся в органах народного контроля она рассматривает как важную форму развития их политической зрелости и активности в защите народных интересов, воспитания государственного подхода к делу, хозяйского отношения к народному достоянию»⁸.

Обеспечение строжайшей законности и правопорядка будет тем полнее, чем шире, активнее будут включены в эту работу партийные и советские органы, профсоюзы и комсомол, трудовые коллективы и народные дружины, все силы нашей общественности. И прежде всего сами коммунисты, особенно находящиеся на руководящих постах, должны показывать пример добросовестного исполнения требований закона, строго соблюдать государственную и партийную дисциплину, как этого требуют решения XXVII съезда партии, Программа и Устав КПСС.

Партия требует самой решительной борьбы за социальную справедливость, против любых чуждых нам явлений, против взяточников и бюрократов, расхитителей социалистической собственности и тунеядцев, любителей нетрудовых доходов и пьяниц.

В соответствии с указаниями XXVII съезда КПСС, в конце мая 1986 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановления «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами», а Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов», внося соответствующие изменения в ряд законодательных актов СССР⁹. В этих документах подчеркивается, что любые формы извлечения нетрудовых доходов несовместимы с социалистическим образом жизни, принципом социальной справедливости, установлены конкретные санкции по их пресечению и указано, что «борьба с этим злом есть дело всех и каждого, ни один государственный и общественный орган не может стоять от нее в стороне»¹⁰.

И в этом деле велика роль наших юристов — ученых и практиков. Как сказано в постановлении ЦК КПСС, «Госплану СССР, Министерству финансов СССР, Государственному комитету СССР по труду и социальным вопросам, Министерству юстиции СССР, Прокуратуре СССР, Верховному суду СССР, Министерству внутренних дел СССР совместно с Академией наук СССР предложено организовать углубленное изучение социальных, экономических, правовых и иных аспек-

⁵ Там же. С. 109.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 160.

⁸ Там же.

⁹ См.: Правда. 1986. 28 мая.

¹⁰ Там же.

тов борьбы с нетрудовыми доходами, расширения в этом деле полномочий трудовых коллективов, при необходимости вносить предложения, направленные на дальнейшее совершенствование законодательства по данному вопросу.

Перед Прокуратурой СССР, МВД СССР совместно с Министерством юстиции СССР, Государственным комитетом СССР по труду и социальным вопросам и ВЦСПС поставлена задача осуществить дополнительные меры, направленные против тунеядцев. По вопросам, требующим решения, внести соответствующие предложения»¹¹.

Развертывание соответствующих научных исследований, разработка обоснованных предложений по совершенствованию действующего законодательства в указанном направлении, дача аргументированных рекомендаций практикам, активная пропаганда принятых нормативных актов, деятельное участие в борьбе с любыми проявлениями извлечения нетрудовых доходов и вовлечение в эту борьбу всех граждан — прямой долг каждого юриста.

Дальнейшего совершенствования требуют и другие отрасли советского права — административное, гражданское, трудовое и др., а главное — всемерное улучшение практики применения установленных ими норм, обеспечение их повсеместной реализации. Эти вопросы также должны быть в центре внимания нашей правовой науки.

Много места уделено в документах XXVII съезда партии и вопросам укрепления правовых основ семьи и быта советских людей, упрочению семьи как первичной ячейки общества. Подчеркнув бесспорные достижения в области становления новой, социалистической семьи, М. С. Горбачев отметил, что формирование новой семьи — сложный процесс. Есть еще немало неблагополучных семей. Это отрицательно сказывается на воспитании детей, моральном состоянии людей, их трудовой и общественной активности. Общество, разумеется, не может безучастно относиться к этим явлениям, прочная семья — один из важнейших его устоев. Поэтому, сказал М. С. Горбачев, «надо так поставить практическую работу государственных и общественных организаций, чтобы она всемерно способствовала укреплению семьи, ее устоев»¹².

В борьбу за прочную семью свой вклад могут и должны внести местные партийные, общественные организации, хорошо знающие членов своих коллективов и имеющие реальные возможности для воспитания людей, укрепления семейных устоев. Особое значение имеет борьба с пьянством. Как отмечено в Политическом докладе ЦК, в стране широко развернулась борьба против пьянства и алкоголизма. Оздоровляется обстановка в семьях, сократился производственный травматизм, укрепился порядок. Постоянная, решительная борьба с пьянством, за здоровый быт, культурный досуг, особенно молодежи, — дело каждого коммуниста.

В укреплении социалистической законности и правопорядка исключительно важное значение имеет комплексно, планомерно поставленная идейно-воспитательная работа. Она, как известно, включает не только формирование научного мировоззрения, трудовое, патриотическое, интернационалистское, этическое, эстетическое, атеистическое, но и правовое воспитание масс. Это важное направление воспитательной работы особо выделено в новой редакции Программы КПСС, где сказано: «Партия придает большое значение воспитанию высокой гражданской ответственности личности, уважения к советским законам и правилам социалистического общежития, непримиримости к любым нарушениям социалистической законности, готовности активно участвовать в охране правопорядка»¹³.

¹¹ Там же.

¹² Материалы XXVII съезда... С. 51—52.

¹³ Там же. С. 165.

Партийные организации имеют широкие возможности для ведения активной правовой пропаганды в массах, как устно, так и в печати, по радио, телевидению и др., привлекая к этому делу юристов — ученых и практиков. Правовая пропаганда должна осуществляться на строго научной основе, быть четко целенаправленной, рассчитанной на конкретную аудиторию, высокоэффективной. Надо решительно изживать те недостатки устной и печатной пропаганды, о которых говорилось на XXVII съезде КПСС. Ученые-юристы, прежде всего коммунисты, учитывая огромную роль человеческого фактора, призваны самым непосредственным образом участвовать во всех формах правового и вообще коммунистического воспитания масс, пропаганды исторических решений и программных документов, принятых XXVII съездом КПСС.

Все это будет способствовать укреплению правовых основ советского государственного и общественного строя, социалистического образа жизни, повышению роли социалистической законности и правопорядка в решении грандиозных задач, стоящих перед партией и народом на современном этапе совершенствования социализма в нашей стране.

Г. П. Саркисянц

КПСС XXVII СЪЕЗДИ ҚАРОРЛАРИ АСОСИДА СОЦИАЛИСТИК ҚОНУНЧИЛИКНИ МУСТАҲКАМЛАШ ВА ҲУҚУҚ ИЛМИНИНГ ВАЗИФАЛАРИ

Мақолада КПСС XXVII съезди тарихий қарорлари асосида социалистик қонунчиликни янада мустаҳкамлаш ва шу асосда совет ҳуқуқларининг турли тармоқлари ҳамда совет ҳуқуқшунослик фанини янада ривожлантиришнинг долзарб вазифалари тўғрисида фикр юритилган.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПРОТИВ ИСКАЖЕНИЯ БУРЖУАЗНЫМИ ФАЛЬСИФИКАТОРАМИ ДРУЖБЫ
НАРОДОВ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В истории каждой страны и всего человечества есть события, которые не стираются в памяти народной. Таким событием была, есть и будет Великая Отечественная война, 41-й год Победы в которой мы отмечаем в этом году. Победа советского народа в Великой Отечественной войне ярко продемонстрировала силу и жизнеспособность советского социалистического государственного и общественного строя, монолитное единство и нерушимую дружбу народов СССР.

«Победа была продолжением Великого Октября — это логично настолько же, насколько естествен факт, что те, кто не может простить нам Революции 1917 года, не простят и Победы 1945-го»¹. Наглядным свидетельством тому являются неустанные попытки буржуазных фальсификаторов очернить историю Великой Отечественной войны, всячески опорочить патриотизм советских людей, могучую силу интернационализма, боевого содружества народов СССР.

Ныне эта клевета преподносится более утонченно и завуалированно, нежели в период «холодной войны». Если в 60-е годы Майкл Рывкин, профессор из городского колледжа Нью-Йорка, деланно «удивлялся», что в военные годы коренное население республик Средней Азии никогда не выступало против мероприятий Советской власти по превращению страны в единый боевой лагерь в целях разгрома фашистских захватчиков², то в 80-е годы он стал утверждать, что «у большего числа молодежи коренного населения Средней Азии отсутствовал энтузиазм идти на фронт, и их посылали в трудовые лагеря»³. Ему вторит другой американский автор, Кристофер Добсон, беспартийно заявляющий, что «славяне считали среднеазиатских бойцов солдатами второго сорта и направляли их всех в трудовые батальоны так же, как американцы направляли негров в трудовые батальоны во второй мировой войне»⁴.

Гнусные измышления Рывкина, Добсона и им подобных опровергаются реальными фактами истории среднеазиатских республик в годы Великой Отечественной войны. Весть о начавшейся войне, обращение Советского правительства к народу всколыхнуло всю страну, в том числе труженников Средней Азии, где, как и по всей стране, прокатилась волна патриотических митингов, участники которых выражали возмущение вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз, заявляли о решимости отдать все свои силы общему делу победы. Их слова не разошлись с делом. Так, уже к 27 июля 1941 г. только из Ташкентской области было подано 6436 заявлений с просьбой о зачислении в ряды Действующей Армии. Всего в первые месяцы войны поступило более 32 тыс. подобных заявлений, в том числе 30 тыс. — от коммунистов и комсомольцев⁵, у которых, по Рывкину, якобы «отсутствовал энтузиазм идти на фронт».

В Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Казахстане, Киргизии и других республиках Союза стали формироваться национальные части. Уже в 1941 г. и особенно с весны 1942 г. в Действующую Армию стали прибывать национальные части и соединения из Закавказья, Средней Азии, Казахстана и других регионов страны⁶.

Добровольные формирования, эскадрильи самолетов, танковые колонны, создаваемые на народные сбережения, и многое другое, в чем проявлялись патриотизм и интернационализм советского народа, получали имена своих республик, имена народных героев, легендарных витязей, в которых народ видел выражение собственных черт и благородных патриотических устремлений. Вместе с этими колоннами, эскадрильями шли на фронт и лучшие сыны всех народов СССР. Так, провожая на

¹ Великий подвиг народа — источник вдохновения. М., 1985. С. 15.

² Rywkin Michael. Russia in Central Asia. New York, 1963. P. 153, 178.

³ Rywkin Michael. Moscow's Muslim challenge: Soviet Central Asia. New York, 1982. P. 110.

⁴ Dobson Christopher. Second class Soviets: Antagonism between Russians and Central Asians//Far Eastern Economic Review. 1982. October. P. 44.

⁵ Узбекская ССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) Т. I. Ташкент, 1981. С. 251.

⁶ Там же.

фронт своих воинов, население Казахстана напугивало их: «Идя в бой с врагом, помните, что в вашу часть Казахстан послал лучших своих людей, что, беспощадно громя врага, защищая родную землю, вы отстаиваете честь и славу своей республики»⁷. Такие же призывы звучали в письмах узбекского и других народов своим воинам.

В рядах Красной Армии не было ни одной войсковой части, в которой не сражались бы плечом к плечу сыны разных народов нашей многонациональной социалистической Родины. Воины — узбеки, туркмены, киргизы, казахи, таджики, каракалпаки и представители других наций и народностей Средней Азии и Казахстана героически защищали землю украинцев, белорусов, молдаван, прибалтийцев, скрепляли своей кровью братскую дружбу с бойцами других национальностей. Они отстаивали Москву, Ленинград, сражались на Курской дуге, в далекой Карелии, за каждый клочок нашей земли. Среди награжденных боевыми орденами и медалями — воины 193 наций и народностей СССР. В их числе — 80 013 узбеков, 15 449 киргизов, 14 923 туркмена, 13 997 таджиков и т. д.⁸ Всего более 7 млн. защитников Родины были награждены орденами и медалями, а 11 603 из них — удостоены высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза. В этой связи напомним, что Золотой Звездой Героя Советского Союза отмечены подвиги 96 казахов, 69 узбеков, 18 туркмен, 14 таджиков, 12 киргизов, представителей многих других наций и народностей⁹.

Тяжелые испытания военного времени стойко вынесли и малые народности нашей Родины. Их сыны мужественно сражались с врагом на полях войны, а оставшиеся в тылу своим героическим трудом ковали Победу над врагом.

Так, славные сыны уйгурского народа самоотверженно сражались в боях за Москву, Ленинград, в лесах Белоруссии и на полях Украины, на Дальнем Востоке с японскими милитаристами. В героической защите Москвы участвовали инженер Икрам Дуганов (впоследствии погибший в боях), дехканин Абдулла Хамраев и другие. Высокое звание Героя Советского Союза было присвоено уйгуру-артиллеристу Судхи Лутфуллаеву. В боях на Волге отличились Махмуд Исламов и Хияля Худайбердыев, награжденные орденами¹⁰. В рядах партизан Белоруссии насчитывалось 374 тыс. человек, представлявших сынов и дочерей 70 наций и народностей нашей страны, в том числе татарского, уйгурского, корейского, дунганского и др.¹¹

Как и все советские люди, уйгуры — труженики тыла самоотверженно работали под лозунгом «Все для фронта, все для победы!» На трудовом фронте отличились уйгуры-колхозники Андижанской области УзССР Алим Курбанов, Ахмед Кадыхунов и многие другие. Жители уйгурских селений Андижанской, Ошской, Алма-Атинской областей внесли сотни тысяч рублей из личных сбережений на танки и самолеты для Красной Армии, посылали на фронт одежду и продовольствие. В Ошской области были собраны деньги на танковую колонну «Трудящиеся уйгуры»¹².

Таких данных можно привести очень много.

Утверждения буржуазных авторов, в первую очередь американских, будто советские воины представляли лишь русскую нацию или славянские народы¹³, а представители других наций и народностей якобы были «на стороне оккупантов»¹⁴, полностью опровергаются множеством реальных фактов из истории Великой Отечественной войны, убедительно характеризующих могучее единство, боевое содружество всех народов СССР, тесно сплотившихся вокруг Коммунистической партии, родной Советской власти и ценой миллионов жизней защитивших свое социалистическое Отечество, Родину Октября.

И в ходе Великой Отечественной войны, и в первые послевоенные годы беспримерный подвиг многонационального советского народа, единство его целей и стремлений в отражении фашистской агрессии получили признание всего мира¹⁵, в частности многих государственных и общественно-политических деятелей США, представителей военных кругов, журналистов, писателей, ученых.

Однако в последующие десятилетия американские буржуазные авторы все резче стали нападать в своих публикациях на такой могучий источник силы Советского Союза, как нерушимая дружба, братское содружество народов СССР в борьбе против фашистских оккупантов. Они всячески селятся выразить свои сомнения

⁷ Письма народов СССР к бойцам-фронтовикам. М., 1943. С. 51.

⁸ Национальная политика КПСС в действии (Деятельность Компартии Узбекистана по осуществлению ленинской национальной политики в республике). Ташкент, 1979. С. 256.

⁹ Жилин П. А., Якушевский А. С., Кульков Е. Н. Критика основных концепций буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1983. С. 311.

¹⁰ Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. М., 1963. С. 495.

¹¹ Единство и сотрудничество народов СССР. Кишинев, 1975. С. 144.

¹² Народы Средней Азии... Т. II. С. 495.

¹³ Soviet Asian ethnic frontiers/Ed. by William O. McCagg, Jr., Brian, D. Silver. New York, 1979. P. 13.

¹⁴ Bennigsen Alexandre and Broxup Marie. The Islamic threat to the Soviet State. London, 1983. P. 51.

¹⁵ См., напр.: Еремеев Л. М. Глазами друзей и врагов: О роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии. М., 1966. С. 11.

в прочности дружбы советских народов, их готовности дать отпор любому агрессору¹⁶.

Буржуазные «советологи» именуют коренное население Средней Азии и Казахстана «мусульманскими народами». Уже в этих словах видно стремление противопоставить одни народы СССР другим. В данном случае делается ставка на исламскую проблематику, чтобы возбудить религиозно-националистические настроения среди «мусульман» и тем самым ослабить единство советского общества. Этой линии придерживаются в своих работах М. Рывкин, А. Беннигсен, Я. Рой, Т. Раковска-Хармстоун и др.¹⁷

Наскоки буржуазных авторов на дружбу советских народов нужны апологетам империализма также для дискредитации ленинской национальной политики КПСС и Советского государства в глазах мировой общественности и прежде всего народов освободившихся стран. По признанию Йоргенсена Андреаса, для стран Ближнего и Среднего Востока среднеазиатские республики могут служить моделью политических и социально-экономических путей развития¹⁸. Американские «среднеазиаведы» признают, что Среднеазиатский регион привлекает все большее внимание молодых государств Азии, Африки, Латинской Америки, в социально-экономическом положении которых имеется много общих черт с социально-экономическим положением Средней Азии накануне Октября¹⁹.

«Успехи социализма,—отмечается в новой редакции Программы КПСС,— тем более впечатляющи, что они достигнуты в кратчайшие исторические сроки, в условиях непрекращающегося нажима империализма — от экономического давления и идеологических диверсий до прямых попыток организации контрреволюционных переворотов и военной агрессии»²⁰.

Ослабить это впечатление, очернить советскую действительность, в том числе взаимоотношения между народами СССР,—такова цель антисоветчиков всех мастей.

Резкое обострение идеологической борьбы на мировой арене требует от советских историков развертывания активной контрпропагандистской работы, убедительного освещения на конкретном фактическом материале и замечательного настоящего, и славного прошлого народов СССР, в том числе суровых и героических лет Великой Отечественной войны, ярко продемонстрировавшей всему миру беспредельную преданность всех народов СССР своей общей социалистической Родине, своей единой цели — победе коммунизма.

Ю. С. Ахтямова

¹⁶ См., напр.: Ainsztein Reuben. The good soldier Kazis//New Statesman. 1980. January 11; News week. 1980. February 11. P. 24.

¹⁷ Rywkin Michael. Moskow's Muslim challenge...; Bennigsen Alexandre. Soviet Muslims and the world of Islam//Problems of Communism. 1980. March—April; Bennigsen Alexandre and Broxup Marie. Op. cit.; Ro'i Yaacov (ed.). The USSR and the Muslim world. Issues in domestic and foreign policy. London, 1984.

¹⁸ Jörgensen Andreas. Soviet Central Asia in international perspective//Soviet Central Asia: Continuity and change. Esbjerg. 1984. P. 149.

¹⁹ Wilber Charles K. The Soviet model and underdeveloped countries. Chapel Hill, 1969. P. 138—139.

²⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986. С. 11.

О СУЩНОСТИ И ОСОБЕННОСТЯХ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Классики марксизма-ленинизма неоднократно указывали на важность изучения сущности естественнонаучного материализма. Актуальность рассмотрения данной проблемы обуславливалась большим значением союза философии и естествознания для утверждения коммунистического мировоззрения и прогресса научного знания в целом.

Одной из важнейших задач естествознания В. И. Ленин считал сознательное усвоение его представителями основных положений диалектического и исторического материализма. «...Мы должны понять,— писал он,— что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полной успешностью, естествознавец должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом»¹. Это известное положение В. И. Ленина и сегодня сохраняет свою актуальность.

В этой связи надо сказать, что до сих пор среди исследователей, занимающихся проблемой сущности естественнонаучного материализма, имеются разногласия в решении данного вопроса. Одни специалисты (которых до середины 70-х годов нашего столетия было большинство) считают, что естественнонаучный материализм появляется вместе с зарождением естествознания. По их мнению, естественнонаучный материализм есть не что иное, как материализм в естествознании. Сторонника-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 29—30.

ми этой точки зрения являются Б. М. Кедров, М. М. Абрашнев и некоторые другие философы и естествоиспытатели. На наш взгляд, они не совсем верно решают вопрос о времени возникновения естественнонаучного материализма. Если считать, что он возникает одновременно с естествознанием, то остается непонятным, чем они отличаются друг от друга. Если эти два различных направления в науке фактически совпадают, то нет необходимости в анализе сущности естественнонаучного материализма как специфической разновидности материалистического мировоззрения.

Сторонники другой точки зрения связывают возникновение естественнонаучного материализма с процессом раздвоения материализма на философский и естественнонаучный, наиболее интенсивно происходившим в середине XIX в. Как известно, ранее философия выступала в форме натурфилософии. Но к середине XIX в. натурфилософии в основном пришел конец, ибо она стала препятствовать прогрессивному развитию естествознания, в отличие от первых этапов своего существования, когда она выполняла положительную роль в развитии естественнонаучного знания.

Неудовлетворенность естествоиспытателей натурфилософией привела к тому, что они стали разрабатывать такое мировоззрение, которое было бы доступным, понятным для всех представителей естествознания и которое помогало бы им в решении различных научных проблем, а именно натуралистское мировоззрение в форме естественнонаучного материализма «...К середине XIX века,— отмечает П. В. Алексеев,— сформировался в качестве самостоятельного направления естественнонаучный материализм (ранее... он не вычленился явно из философского материализма), составивший особую форму нефилософского мировоззрения — натуралистское мировоззрение»².

На наш взгляд, вторая точка зрения более верно отражает сущность вопроса о времени возникновения естественнонаучного материализма. Представляется, что правильнее всего будет связать возникновение естественнонаучного материализма с периодизацией истории естественнонаучного познания, данной Ф. Энгельсом в работе «Диалектика природы». Там он делит всю историю естественнонаучного познания на четыре периода:

- 1) метафизический (XV — середина XVIII в.);
- 2) стихийно-диалектический (вторая половина XVIII — середина XIX в.);
- 3) переходный (от второго к четвертому: середина XIX в.);
- 4) сознательно-диалектический.

По нашему мнению, зарождение естественнонаучного материализма происходит в начале второго периода в среде французских материалистов, а к концу этого периода он широко распространяется среди многочисленных представителей естествознания. Именно в то время происходит стихийная диалектизация естествознания и начинается интенсивный процесс распада натурфилософии, в основном завершающийся к началу третьего периода. К этому времени естественнонаучный материализм уже в основном сформировался как самостоятельное течение внутри материализма. На это указывали К. Маркс и Ф. Энгельс. Так, Ф. Энгельс указывал, что в то время «Гегель был забыт, развился новый естественнонаучный материализм, который теоретически почти ничем не отличается от материализма XVIII века...»³ К. Маркс же отмечал борьбу идеологов правящих классов того времени «против материализма, естественнонаучного и промышленного, ...словом, против всего, что требует точных знаний»⁴.

Большинство естествоиспытателей XIX в. были представителями естественнонаучного материализма. Это во многом обуславливалось тем, что они вставали на позиции материалистического (натуралистского) мировоззрения непосредственно под влиянием самого естествознания, в процессе своей практической деятельности. Убежденность в объективности природы и ее законов носила у них стихийный характер.

Сущность естественнонаучного материализма наиболее полно раскрыта В. И. Лениным в его работе «Материализм и эмпириокритицизм». Это, говорил он, «стихийное, несознаваемое, неформленное, философски-бессознательное убеждение подавляющего большинства естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира, отражаемой нашим сознанием»⁵. В. И. Ленин дает это определение, предварительно изучив деятельность большой группы ученых-естествоиспытателей, стоявших на позициях стихийного материализма (Э. Геккель, Г. Гельмгольц, Э. Диксон, К. Бернар, К. Корню, Т. Гексли и др.).

Во второй половине XIX в. естественнонаучный материализм получает широкое распространение среди многих естествоиспытателей, особенно представителей физической науки, а ближе к концу века он выступает уже в качестве господствующего «среди физиков... (неточно именуемого реализмом, неомеханизмом, гилокинетикой и не развиваемого самими физиками сколько-нибудь сознательно)»⁶. Приверженцами его становится большинство естествоиспытателей конца XIX века и на-

² Алексеев П. В. Наука и мировоззрение (Союз марксистской философии и естествознания). М., 1983. С. 26.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 495.

⁴ Там же. Т. 29. С. 177.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 367.

⁶ Там же. С. 322.

чала XX века...»⁷, что позволяет В. И. Ленину назвать его устоем, «который становится все шире и крепче и о который разбиваются все усилия и потуги тысячи и одной школки философского идеализма, позитивизма, реализма, эмпириокритицизма и прочего конфузионизма»⁸.

В своих работах классики марксизма-ленинизма вскрыли не только положительные черты этой формы материалистического мировоззрения по отношению к различным идеалистическим течениям и школам, но, что наиболее важно, дали критический анализ всех недостатков, присущих ей. Главной характерной чертой естественнонаучного материализма, позволяющей отличать его от других форм материализма, является его стихийность. В своем определении сущности естественнонаучного материализма В. И. Ленин, характеризуя его как стихийный, бессознательный, имеет в виду не бессознательность вообще (так как любой ученый вполне осознанно подходит к решению той или иной научной проблемы), а в философском отношении, т. е. то, что естествоиспытатели свою убежденность в материальности объективной действительности не доводят до логического завершения — сознательного перехода на позиции марксистско-ленинской философии.

Этим во многом и обуславливается противоречивость мировоззрений многих представителей естественных наук. Так, довольно значительное число естествоиспытателей, будучи в своей научно-исследовательской деятельности материалистами, разделяли положения того или иного идеалистического направления. Это затронуло и некоторых выдающихся ученых того времени. Так было и с великим физиком нашего столетия А. Эйнштейном, когда он в начале своего творческого пути разделял некоторые положения философии махизма.

«Философски-бессознательное» означает отсутствие у естествоиспытателей понимания материализма как философского взгляда на действительность, понимания противоположности материализма идеализму, отсутствие умения встать на точку зрения материализма, раскрыть ее, защитить вескими доказательствами, а не просто провозгласить принцип материализма⁹. «Слабость естественноисторического материализма,— указывает С. В. Резников,— состоит прежде всего в том, что объективность мира отстает от обыденно, а не научно»¹⁰.

Стихийность естественнонаучного материализма часто приводит к тому, что многие естествоиспытатели-немарксисты начинают колебаться между материализмом и идеализмом. Особенно сильно это проявляется при рассмотрении ими вопросов общественного развития, когда многие из них становятся на позиции идеалистической философии. В силу этого естественнонаучный материализм является непоследовательным, мировоззрение таких естествоиспытателей остается ограниченным, так как их материализм не распространяется на общественные процессы. Они чаще всего пытаются решать те или иные проблемы общественного развития с помощью закономерностей, обнаруженных ими в природе. Но при таком подходе к социальным явлениям сразу же проявляются все недостатки, которые присущи этой разновидности материализма и обнаруживаются, по К. Марксу, «в абстрактных и идеологических представлениях его защитников, едва лишь они решаются выйти за пределы своей специальности»¹¹.

Говоря о стихийности как основной отличительной черте естественнонаучного материализма, ни в коей мере нельзя ее абсолютизировать, ибо стихийность носит относительный, а не абсолютный характер. В ней содержатся зачатки, элементы сознательности. Как указывал В. И. Ленин, «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму сознательности*¹². При анализе взаимодействия стихийности и сознательности надо учитывать и тот факт, что при определенных условиях они могут переходить друг в друга.

Некоторые советские исследователи, занимающиеся проблемами естественнонаучного материализма, из абсолютизации стихийности как основной его черты делают выводы об отсутствии в этой разновидности материалистического мировоззрения какой-либо диалектичности. Они характеризуют его как метафизический материализм, не несущий в себе никакой научности. Так, В. И. Осипов категорически заявляет, что «стихийность естественноисторического материализма сделала невозможной его диалектичность, а значит — его последовательную научность»¹³. Эту точку зрения разделяют Л. С. Мерзон и Б. Д. Парыгин, которые утверждают, что раз в ленинском определении сущности естественнонаучного материализма отсут-

⁷ Там же. С. 372.

⁸ Там же.

⁹ Юрова И. Л. Материалистическое понимание истории и естествознание. М., 1978. С. 169—170.

¹⁰ Резванов С. В. В. И. Ленин и проблема отношения естественноисторического материализма к философскому идеализму // Философские проблемы современного естествознания / Под ред. Муранова Б. Д. Ростов н/Д., 1976. С. 7.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 383.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 29—30.

¹³ Осипов В. И. В. И. Ленин о естественноисторическом материализме и современный естественноисторический материализм // Вопросы философии и социологии. Под ред. Парыгина Б. Д. Л., 1970. С. 202.

ствуется упоминание о какой-либо диалектичности в мировоззрении его сторонников, то ни о какой диалектичности здесь говорить не следует¹⁴.

С такой характеристикой естественнонаучного материализма нельзя согласиться, ибо и в нем присутствуют элементы диалектичности, выраженные в форме стихийной диалектики. Диалектика присуща естественным наукам, хотя она проявляется там своеобразно, в специфических формах, отличных от форм ее проявления в диалектическом материализме. В процессе своей практической деятельности каждый естествоиспытатель как субъект познания адекватно отображает природу — объект его исследовательской работы, т. е. объект познания. В природе же всегда действует «объективная диалектика», которая и отображается сознанием человека, существуя в нем в виде понятий, принципов, теорий, т. е. в виде «субъективной диалектики», проявляющейся как в философии, так и в частных науках. Правда, естествоиспытатели в своей деятельности используют многие элементы диалектики, часто и не задумываясь об этом, иногда делая при этом выдающиеся научные открытия, которые по сути своей всегда глубоко диалектичны.

Необходимо учитывать и то, что естественнонаучный материализм, как и любое другое направление философии, неоднороден по своему составу. Его сторонники делятся на несколько крупных по своему составу групп. Так, для довольно большого числа естествоиспытателей-немарксистов основным методом познания в их научно-практической деятельности является метафизика. Но нельзя не учитывать и тот факт, что значительная часть таких естествоиспытателей близко подходит к диалектическому материализму, хотя их еще нельзя называть сознательными его сторонниками, так как они продолжают разделять некоторые положения естественнонаучного материализма.

В. И. Осипов называет естественнонаучный материализм переходом к диалектическому материализму. Но если считать его полностью не диалектичным, то как же происходит этот переход от недиалектичности к диалектичности? Либо этот переход к диалектическому материализму вообще невозможен, и тогда нет никакой необходимости говорить о союзе философии и естествознания, на огромную значимость которого указывал В. И. Ленин. Либо этот переход происходит в виде какого-то мгновенного скачка, что также невозможно, ибо всякий переход есть не что иное, как единство элементов нового (в нашем случае — диалектического материализма) и старого (естественнонаучного материализма), зародышей нового и остатков старого, а также их борьба между собой.

Поэтому прав М. М. Абрашнев, указывая, что «наделять диалектичностью лишь марксистско-ленинскую философию и не видеть диалектичности (пусть стихийной) естественноисторического материализма — значит неоправданно противопоставлять и разобщать эти взаимосвязанные виды материализма»¹⁵.

При анализе сущности естественнонаучного материализма необходимо указать и на склонность его сторонников к агностицизму, о чем говорил еще Ф. Энгельс, отмечая, что «поскольку он (естествоиспытатель. — С. Е.) что-либо знает, постольку он материалист; но вне своей науки, в тех областях, в которых он ничего не знает, он переводит свое невежество на греческий язык, называя его агностицизмом»¹⁶.

Естествоиспытатели такого рода чаще всего склоняются к агностицизму, когда начинают переходить к рассмотрению мировоззренческих проблем, пытаясь решить их с помощью методов своей науки, что и приводит к неутешительным выводам о непознаваемости материальных систем в областях человеческого познания, отличных от тех, которые они изучают. Ограниченностью естественнонаучного материализма является и то, что его сторонники абсолютизируют относительные истины естествознания, необоснованно переносят их в область философии, где эти истины возводятся ими в ранг философского понимания материальности мира. Представители естественнонаучного материализма считают философию простым продолжением естествознания, усматривая главную задачу ее в простой фиксации основных положений и выводов конкретных наук, выраженной в виде определенных мировоззренческих и гносеологических принципов. Так происходит превращение ограниченных истин науки в мировоззренческие ее основания, что, разумеется, непропорционально и глубоко ошибочно.

В. И. Ленин глубоко обосновал необходимость овладения естествоиспытателями методом материалистической диалектики, раскрыл процесс их постепенного перехода от естественнонаучного к диалектическому материализму.

Процесс этот идет неравномерно в странах с различным общественным строем. Естествоиспытатели социалистических стран сознательно используют диалектико-материалистический метод познания в целях успешного решения научных проблем, все более глубокого познания закономерностей развития природы.

В странах же капитализма указанный процесс постоянно тормозится социальной атмосферой, присущей современному буржуазному обществу, враждебным отношением правящих кругов к марксистской философии. И вообще, пока существует капиталистическая система, переход естествоиспытателей на позиции сознательно-

¹⁴ Там же. С. 244.

¹⁵ Абрашнев М. М. Естественноисторический материализм и диалектика. Горький, 1975. С. 13.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 305.

диалектического естествознания будет тормозиться господствующей идеологией этих стран.

Современный естественнонаучный материализм существенно отличается от такого в XIX и даже в начале XX в. Методология его уже значительно диалектизирована (хотя до целостного диалектического метода она не может подняться, так как для этого ей нужно подняться и выйти за рамки натуралистского мировоззрения).

Основной тенденцией, оказывающей значительное влияние на изменение форм естественнонаучного материализма, является стремление естествоиспытателей к диалектическому и историческому материализму. Это связано не только с тем, что естествоиспытатели в процессе своей практической деятельности постоянно убеждаются в материальности и диалектичности изучаемых ими объектов, а в еще большей степени — с тем, что марксистско-ленинская философия получает все более широкое признание среди естественников не только социалистических, но и других стран.

Для современного естественнонаучного материализма характерно более сознательное подчеркивание объективности внешнего мира и содержания научного знания. На современном этапе развития научно-технической революции естествоиспытатели все чаще убеждаются в том, что без знания материалистической диалектики путь развития специальнонаучного знания долог и мучителен и только сознательное использование категориального аппарата марксистско-ленинской философии позволит им правильно оценить направление развития научного знания в области специальных наук и научно обосновать появление новых результатов исследований.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном вопросе, довольно оживленно дискутируемом в философской и естественнонаучной литературе, посвященной проблемам естественнонаучного материализма. Это вопрос о названии данного направления в материализме. Одна часть исследователей называет его «естественно-исторический материализм», другая — «естественнонаучный материализм».

Сторонники первого термина считают, что такое название этого направления в материализме обусловлено широким распространением в XIX в. принципа историзма в естествознании. Так, Н. Ф. Уткина указывает, что «идеи историзма приобрели ведущее положение в естествознании и многие естественнонаучные теории стали называться естественноисторическими...»¹⁷

Некоторые представители этой точки зрения считали, что данная разновидность материалистического мировоззрения долгое время существовала в форме естественнонаучного материализма, который развивался параллельно философскому материализму до XIX в., т. е. до времени, когда идеи историзма получили широкое распространение в естественных науках, а с этих пор он начинает свое существование уже как естественноисторический материализм. Один из сторонников этой концепции Р. С. Карпинская утверждает: «Естественнонаучный стихийный материализм в XIX веке превращается в естественноисторический материализм... Об этом свидетельствуют не только крупные успехи естествознания в области эволюционной теории происхождения видов..., но и разработка естествоиспытателями такого важного метода исследования... как сравнительно-исторический»¹⁸.

Сторонники другой точки зрения, которой придерживаемся и мы, считают, что термин «естественноисторический» имеет совершенно другой смысл, отличающийся от того содержания, которое вкладывают в него сторонники первой точки зрения. По их мнению, термин «естественноисторический» происходит от термина «естественная история», который в XIX в. получил широкое распространение и употребляется в немецком и русском языках в том же значении, что и термин «естествознание»¹⁹.

По П. В. Алексееву, «термин «естественноисторический» обозначает не какой-то этап в развитии естественнонаучного материализма, а лишь одну из его сторон, всегда ему присущую, — идеализм в трактовке движущих сил социального процесса, наличие материализма лишь в «естественной истории», то есть в природо(естество)знании»²⁰.

В пользу второй точки зрения говорит и тот факт, что в настоящее время термин «естественнонаучный материализм» является преобладающим в литературе, посвященной рассмотрению сущности этого направления в материализме.

С. Н. Ермишин

¹⁷ Уткина Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России. М., 1975. С. 140.

¹⁸ Карпинская Р. С. В. И. Ленин о естественноисторическом материализме // В. И. Ленин и некоторые вопросы теории познания. Горький, 1959. С. 183.

¹⁹ Богомолов А. С. Ленин, естествознание, философия // Вестник МГУ. 1969. № 4. С. 14.

²⁰ Алексеев П. В. Естественнонаучный материализм и материалистическая диалектика. М., 1981. С. 90.

О СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ УТОПИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Закономерным выражением поступательного движения нашей эпохи стал социализм. Как отмечалось на XXVII съезде КПСС, «прогресс нашего времени спра-

ведливо отождествляется с социализмом¹. Научный социализм впервые в истории общественно-философской мысли «обосновал самую гуманную цель, какую когда-либо ставило перед собой человечество,— создание на Земле справедливого общественного строя»². Вот почему в наше время с социализмом связывают свои надежды и мечты о лучшем будущем не только народы социалистического содружества, но и все прогрессивное человечество.

В этих условиях возрастает интерес к истории не только марксистской, но и домарксовской социальной мысли, составным элементом которой являются утопии. Изучение утопии тем более необходимо, что оно позволяет лучше представить и понять многие идеологические процессы в развивающихся странах, выявить их идейно-теоретические корни.

В научной литературе термин «утопия» давно стал синонимом воображаемого, неосуществимого общественного устройства. От него нередко воспроизводят и название утопического социализма по этимологии слова из произведения Томаса Мора «Утопия». Существует множество определений утопии. Так, Э. Я. Баталов пишет: «Утопия — это вымышленная страна, воображаемое общество, которому отдается предпочтение перед реальным и в образе которого с большей или меньшей полнотой воплощается представление о совершенном обществе и о человеке — социальном идеале»³. По А. Э. Штекли, «утопия как объект истории общественной мысли — это прежде всего сочинение о наилучшем государственном устройстве, а в еще более узком смысле — идеальное общество, представленное в рассказе о вымышленном путешествии»⁴. С. Б. Кан считает утопию своеобразной ограниченной монархией, «во главе которой находится избираемый народом и зависимый от него властитель»⁵.

В «Философской Энциклопедии» утопия — это «изображение идеального общественного строя, лишенного научного обоснования»⁶. Отмечается также двойкий смысл слова «утопия» при переводе с греческого языка на русский: место, которого нет, а по другой интерпретации — благословенная страна. По мнению Э. Я. Баталова, это вызвано тем, что Т. Мор умышленно построил название своей книги на игре слов: «страна прекрасная, но [или поэтому] несуществующая»⁷.

Естественно, за 470 лет со времени выхода в свет «Утопии» Мора понятие утопии не могло оставаться неизменным и однозначным: оно трансформировалось, приобретало новые оттенки и грани. От эпохи к эпохе менялось и отношение к автору «Утопии», по-разному осмысливались его идеи⁸. Поэтому и в наши дни термин «утопия» оказывается в числе «самых туманных, сбивчивых и противоречивых понятий»⁹.

Это объясняется различием мировоззренческих позиций и методологических подходов исследователей при анализе и толковании утопии. Одни авторы исходят из генетических особенностей самого слова «утопия», другие — из выполняемых им в жизни общества функциональных ролей; третьи рассматривают его структурные особенности и формальные признаки — формы выражения утопии: утопические романы, социально-политические трактаты, социальные проекты, декларации и т. п. Но в целом идейное содержание утопии усматривается в народных формах поиска идеального общественного устройства. В этом плане социальный утопизм масс в истории общественных движений выступает «как идеология крестьянства, борющегося против своих угнетателей и строя феодальной эксплуатации»¹⁰.

В более широком смысле социальная утопия выражает поиск нового, лучшего в общественном устройстве. В ее основе лежит определенный социальный идеал, направленный на улучшение и совершенствование существующей социальной организации путем устранения ее недостатков и логического конструирования идеального общества. Созданный в воображении мыслителя или в народной фантазии идеальный мир выступает как специфический мир идей, рассматриваемых в качестве «вечных» основ общественного бытия. По отношению к этому миру существующая социальная реальность представляется как несовершенная, подлежащая преобразованию. Классическим примером тому служат республика Платона и «Утопия»

¹ Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС. М., 1986. С. 8.

² Там же. С. 107.

³ Баталов Э. Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982. С. 11.

⁴ Штекли А. Э. Утопия Т. Мора и социалистическая мысль // Коммунист. 1978. № 18. С. 75.

⁵ Кан С. Б. История социалистических учений. М., 1963. С. 22.

⁶ Философская Энциклопедия. Т. 5. М., 1971. С. 295.

⁷ Баталов Э. Я. Указ. соч. С. 11 (см. прим. 3).

⁸ В связи с 500-летним юбилеем Томаса Мора в 1977—1978 гг. вышла в свет большая серия публикаций о творчестве мыслителя, его роли в истории культуры и общественно-политической мысли. Наблюдается различная интерпретация взглядов и личности Мора: «бунтовщик», «отец современного тотализатора», «блаженный мученик», «святой», «борец за католическую веру». (см.: Осияновский И. Н. 500-летний юбилей Томаса Мора и зарубежная историография // Социальные движения и борьба идей. М., 1982. С. 186—208).

⁹ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1974. С. 4.

¹⁰ Барг М. А. О классовой природе ранней социальной утопии // Социальные движения и борьба идей. С. 172.

Мора, в которой главный рассказчик Рафаил, отметив много превратных законов у народов-островитян, перечисляет «немало таких, из которых можно взять примеры для исправления заблуждений наших народов, племен, городов и царств»¹¹.

Утопия социально детерминирована. Она возникает из определенных потребностей эпохи, нации или класса. По своим целевым установкам и социальной направленности она содержит критику наличного общественного бытия и его отрицание. Эволюция утопии определяется характером формирующихся общественных потребностей. Возникновение ее обусловлено усложнением общественных отношений, углублением социальных противоречий. Порожденная реальными противоречиями общественной жизни неустойчивость бытия человека вызывает в его самосознании идеальный, воображаемый антипод существующей действительности. В результате человек внутренне раздваивается: как реальный, эмпирический индивид он связан с данной социальной действительностью, но в то же время определяет свою жизнь в соответствии с идеальным миром, в котором он находит подлинный смысл своего бытия и по отношению к которому его земное бытие представляется лишь временным моментом¹².

Таким образом, в утопии мир идей, обретая самостоятельность и абсолютность, противопоставляется реальному, эмпирическому миру. Утопия как продукт социального антагонизма «порождает идеальную гармонию в философском самосознании», которое «становится предпосылкой выработки определенных форм организации общественной жизни»¹³. По существу утопия — внутренний мир субъекта, сформулированный его самосознанием и проецируемый на внешний мир в качестве идеальной модели. В этом, по словам Л. В. Скворцова, заключается «специфическая особенность самосознания, выраженная в способности индивида видеть самого себя в идеальном образе» и проецировать себя «на внешнюю реальность»¹⁴.

Однако содержание утопии, несмотря на субъективную форму его выражения, объективно: оно обусловлено факторами окружающей социальной действительности. Утопия получает широкое распространение в периоды распада традиционных общественных связей и радикальных перемен, когда «пересекаются две эпохи, две культуры и две религии, ...когда целое поколение оказывается между двумя укладами жизни в такой степени, что утрачивает всякую естественность, всякую преемственность в обычаях, всякую защищенность и непорочность»¹⁵.

Именно в эпоху расцвета древнегреческой культуры и в то же время упадка государственности, политического кризиса, обострения социальных противоречий Платон обратился к той области сознания, где были «мечта, фантазия, новый — и уже рационализированный миф, утопия»¹⁶. История средневековых народных движений, а особенно история буржуазных революций в Европе подтверждают наличие связи между утопическим сознанием и состоянием социально-политического кризиса общества.

Таким образом, в социальной утопии выражается идеальная модель желаемого или воображаемого общества, в котором устраняются отрицательные и сохраняются положительные элементы наличного бытия. Отсюда в утопии содержится критический, негативный элемент по отношению к существующей действительности. Благодаря этому удается нарисовать картину идеальной организации общества на основе раскрытия недостатков и пороков существующей реальности. Следовательно, в утопии основой конструирования идеальной модели общества все же остается наличная действительность.

Критический элемент в утопии с необходимостью приводит к отрицанию существующего общества, что порождает мысленную конструкцию, идеальную модель, которой должно быть заменено наличное бытие. Возникшая в фантазии мыслителя идеальная организация общества переносится в реальную действительность. Отсюда фантазия является еще одним важным элементом утопии: посредством фантазии мыслитель-утопист выражает свой социальный идеал. Однако фантазия, вырастая из отрицания реальной действительности, вернее ее негативных сторон, не отрывается от нее. «Построение утопии невозможно не только без критики действительности. Утопия — это и отрицание наличной действительности существующего государства, и отражение каких-то его реальных черт и особенностей. Основой воображения остается действительность, опорой вымысла — реальность»¹⁷.

Значит, в утопии фантазия выступает как важное средство выражения социального идеала и в этом смысле она является ее составной частью. По утверждению Л. Воробьева, «утопии — это такого рода фантазии о реальном мире, где выдуманное соседствует с действительным»¹⁸. Бесспорно, фантазия в социальной утопии

¹¹ Мор Томас. Утопия//Утопический роман XVI—XVII вв. М., 1971. С. 49.

¹² См.: Скворцов Л. В. Субъект истории и социального познания. М., 1983. С. 39

¹³ Там же. С. 40.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Гессе Г. Избранное. М., 1977. С. 223.

¹⁶ Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона//Платон. Соч.: В 3 т. Т. I. М., 1968. С. 24.

¹⁷ Асмус Ф. Послесловие//Платон. Соч.: В 3 т. Т. I. Ч. I. М., 1971. С. 591.

¹⁸ Воробьев Л. Утопия и действительность//Утопический роман XVI—XVII вв. С. 37.

не находится вне связи с идеологией и политикой. Сочетание фантастического с реальным наиболее ярко проявляется в утопии Платона: его представления о совершенном обществе выражены посредством критики и отрицания наиболее характерных негативных черт действительности античного мира.

Благодаря органическому сочетанию фантазии с действительностью в социальной утопии не только рисуется картина идеального общества, но в ней выражаются также отношение людей к окружающему миру и поиски путей решения социальных проблем. Поэтому утопические проекты, как бы порой они не казались далекими «от реальных политических задач и проблем современности, всегда несут на себе их более или менее отчетливую печать и выступают как специфические формы поисков пути к их решению»¹⁹.

Социальный идеал в утопии, выражающий мечту и чаяния трудящихся о счастье, равенстве и справедливости, нередко облекался в религиозную оболочку и принимал форму ересей, выступавших под лозунгом «очищения» религии от исторических наростов и новшеств, восстановления первоначальной чистоты нравов и т. д. Такая форма протеста против существующего общества воспринималась также многими гуманистами эпохи Возрождения, которые рассматривали идею возврата к первоначальному христианству как единственно возможное средство спасения общества от гибели. Положение в современной им Европе они сравнивали с положением Римской империи в период ее политического кризиса и распространения христианства. Как некогда христианство опасло человечество от гибели, полагали они, теперь спасение его — в новом христианстве, для проповедников которого эталоном «добродетельности» служило поведение апостолов раннего христианства²⁰.

Идеологической основой равенства служила апелляция к принципам раннего христианства, с помощью которых подвергали сомнению происхождение и законность сословных привилегий: «Кто был дворянином, когда Адам пахал, а Ева пряла?» По утверждению В. Л. Лазарева, именно «утопии раннего христианства зарождали «религиозный коммунизм» с его идеями равенства и братства в виде идеи «божьего царства»²¹.

В этой связи уместно напомнить слова Ф. Энгельса о крестьянско-плебейской ереси, в которой он находил «предвосхищение» коммунизма в фантазии. По его словам, эта ересь «требовала восстановления раннехристианского равенства в отношениях между членами религиозной общины... Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, оброков, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий — вот те требования, которые выдвигались с большей или меньшей определенностью...»²² Отмечая положительное значение религиозных ересей как оппозиционной идеологии социальных низов, Ф. Энгельс писал, что программа действий участников еретических движений выступает прежде всего как стихийное выражение классовой борьбы беднейших слоев, «которые повсюду вели ожесточенную борьбу со своими духовными и светскими феодалами, и притом борьбу за самое существование»²³. Для участников средневековых еретических движений существовавший «общественный строй являл один лишь недостаток...»²⁴

По своему социальному содержанию утопии, выраженные в религиозных ересьях, были связаны с протестом и недовольством социальных низов и выражали их демократические устремления и идеалы справедливости и равенства. Их антиэксплуататорская, антифеодалная направленность находила свое выражение в критике социальных и нравственных пороков феодального общества, в отрицании существующей действительности с ее официальной идеологией (исламской или христианской), в разработке социального идеала будущего общества. Социальный идеал в ранних формах утопии и религиозных ересьях был направлен в прошлое и нередко выражался в его идеализации, в мечтах об «утраченном золотом веке» или в виде махдизма в исламских ересьях, в вере о грядущем «царстве божьем» на земле.

Отсюда в социальных утопиях, представляющих собой специфическую форму выражения народной идеологии в условиях антагонистического общества, наблюдается в основном постановка трех вопросов, связанных с идеей необходимости уничтожения частной собственности как источника зла; с имущественным и социальным равенством; с совершенной формой общественного устройства — социальным идеалом.

Вместе с тем надо сказать, что хотя утопия и возникает из потребностей социальных низов и отражает их идеалы, но в утопической литературе есть и немало произведений, отражающих интересы иных классов, стремившихся увековечить устои существующего общества. В зависимости от идейного содержания, социальной направленности и мировоззренческой позиции автора социальные утопии могут иметь различный характер. Например, социальная утопия Платона по существу была направлена на увековечение сословного деления общества, сохранение привилегий высших классов. По выражению К. Маркса, нарисованная Платоном идеальная республика «представляет собой лишь афинскую идеализацию египетского кас-

¹⁹ Баталов Э. Я. Социальная утопия... С. 28.

²⁰ См.: Волгин В. П. Сен-Симон и сен-симонизм. М., 1961. С. 69.

²¹ Лазарев В. Л. Искусство проторенессанса. М., 1956. С. 29.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 362.

²³ Там же. Т. 22. С. 307.

²⁴ Там же. Т. 19. С. 194.

того строя...»²⁵ Но несмотря на это, лежащие в ее основе положительные идеи оказали огромное влияние на развитие утопической мысли в Европе.

Таким образом, социальная утопия «древнее» Мора, а по своему объему намного шире, чем утопический социализм: она выражает различные идеи, направляющие человеческие устремления к совершенствованию форм общежития. Появление социального неравенства и вытекающие из него угнетение, несправедливость вызвали поиски средств уничтожения причин социального зла. Именно в качестве наиболее верных средств достижения этой цели создавались различные утопии, которые нашли свое отражение в мифах и легендах о «золотом веке», в разных религиозных и философских системах Запада и Востока, в многообразных социальных проектах улучшения человеческого общества. В этом своем качестве утопия выступает как исторически неизбежная форма классового сознания угнетенных масс как выражение их опыта классовой борьбы и включает «все возможные уюности и удобства людей, направленные на улучшение форм человеческого общежития в будущем»²⁶. В ее основе лежит определенный социально-нравственный идеал, в осуществлении которого усматриваются смысл и цель человеческого бытия. Утопия, «как идеал общественных отношений, представляет наиболее общий элемент в духовном мире — религиозных верований, этических и правовых теориях, системах воспитания, поэтических произведениях»²⁷.

Во многих утопиях их целевые установки были направлены на поиски верных способов жизни и социального идеала, ведущего к счастью. Однако содержащиеся в них глубокие мысли о совершенствовании человеческой личности, о необходимости кардинального переустройства жизни практически не осуществлялись.

Марксизм-ленинизм показал, что «спасение» человека возможно только вместе со спасением всего общества, что формирование подлинно человеческого общества и совершенствование личности — единый процесс. Классики марксизма-ленинизма, критически относясь к утопии, видели ее сущность не в ее неосуществимости, фантастичности, а в ненаучности ее социального идеала, в несоответствии утопической конструкции реальному характеру объективных общественных отношений. Эту негативную сущность утопии, по словам К. Маркса, обуславливает «непонимание необходимого различия между реальной и идеальной структурой буржуазного общества и вытекающее отсюда желание предпринять совершенно излишнее дело: претворить опять в действительность само идеальное выражение...»²⁸ Социальный идеал должен конструироваться не в голове мыслителя, а выводиться из действительного исторического движения самого общества, соответствовать наметившимся тенденциям его развития. Именно с такой постановкой идеала К. Маркс и Ф. Энгельс выступили в «Немецкой идеологии»: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющей теперь наличию предпосылкой»²⁹.

В основе же утопического творчества лежала установка на произвольное конструирование социального идеала чисто умозрительным путем. В результате воображаемое (идеальное) рисуется независимо от требований объективных законов общественного развития, не вникая в суть диалектики общественных процессов, которая предполагает прогресс в разрешении реальных противоречий. Вот почему только марксизм-ленинизм впервые превратил вековые чаяния трудящихся о счастливой жизни из утопии в науку.

Ныне человечество находится на этапе перехода от капитализма к социализму, который сопровождается бурными событиями и глубокими социальными потрясениями, разрушением мира эксплуатации с его вековыми устоями. Закономерность такого исторического перехода была научно обоснована и предсказана классиками марксизма-ленинизма.

Однако социальная утопия и сегодня еще не сошла с исторической арены. Широко распространенные в развивающихся странах различные концепции «национального социализма», «исламского социализма» представляют собой определенные варианты современной социально-утопической мысли. Они различаются как по своим социально-экономическим установкам, так и по выполняемым в жизни общества социально-политическим функциям. Идеи и принципы социализма нередко выводятся в них из Корана и средневековых социально-политических доктрин ислама. В качестве составных элементов этих концепций выступают традиции, средневековые эгалитаристские идеи и утопические представления о социальной справедливости и равенстве, в идейной оболочке которых получают свое «теоретическое» выражение растущее недовольство социальных низов, их устремления к действительному прогрессу и социальной справедливости. Они не только являются средством идеологического воздействия на массы, но в них усматривается также средство разрешения насущных социально-политических проблем, консолидации нации, утверждения национальной самостоятельности.

Все это свидетельствует о том, что утопии продолжают оставаться в арсенале идеологической и классовой борьбы и в наше время, ибо они несут большой по-

²⁵ Там же. Т. 23. С. 379.

²⁶ Свентоховский А. История утопий. М., 1910. С. 9.

²⁷ Там же. С. 5.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 457.

²⁹ Там же. Т. 3. С. 34.

литический заряд, выступая в качестве идеологического средства политической мобилизации масс. Поэтому их нередко используют различные общественные силы в соответствии с собственными классовыми интересами, политическими и социальными установками.

Изучение истории утопической мысли, в том числе в странах Востока, на наш взгляд, дает возможность глубже понять и раскрыть сущность многих современных идеологических процессов в странах распространения ислама.

М. К. Арипов

ИЗ ИСТОРИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ИНДИИ

Почти 40 лет прошло с тех пор, как народы многострадальной Индии избавились от ига британских колонизаторов. Завоеванная в 1947 г. в результате разрывания массового национально-освободительного движения политическая независимость страны открыла возможность для ее экономического и культурного возрождения. При этом народам Индии пришлось преодолевать многочисленные трудности. К их числу относился и крайне низкий уровень грамотности населения, слабое развитие народного образования, особенно женского. Достаточно сказать, что в 1946 г. из 296,1 млн. населения Британской Индии разными формами обучения (единой для всей страны системы образования тогда не было) охватывалось всего 18,24 млн. человек. Даже к 1951 г. грамотность среди мужчин составляла 24,95%, а женщин — лишь 7,93%¹.

Британские колонизаторы, пытаясь сохранить и укрепить свое господство в Индии, намеренно препятствовали любым проявлениям социального прогресса в этой стране, в том числе в области народного образования. Еще К. Маркс подчеркивал, что «страницы истории господства англичан в Индии едва ли говорят о чем-либо, кроме разрушения; их созидательная работа едва заметно видна за грудой развалин»².

Английские империалисты, стремясь скрыть истинную суть своей политики в Индии, обелить ее, настойчиво распространяли расистские домыслы о том, что индийцы, как и другие народы Востока, якобы не способны к прогрессу, что у них нет и быть не может подлинной культуры.

Несостоятельность этих расистско-колонизаторских измышлений опровергается богатейшим материальным и духовным наследием древней самобытной культуры народов этой огромной страны. Глубокие исторические корни имеет в Индии и система просвещения: уже за полтора-два тысячелетия до н. э. там велось обучение молодежи из семей, относившихся к трем высшим кастам — брахманов, кшатриев и вайшьев.

Что касается обучения женщин, то оно также известно с ведического периода. Девочки получали зачатки грамотности дома — у старших, а затем их отправляли в дом учителя (обычно из брахманов). В более поздние ведические периоды стали цениться образованные девушки и женщины. Даже принято было выходить замуж за образованных мужчин. Среди женщин можно было встретить философов, поэтов, врачей и даже военачальниц и правительниц³.

Разумеется, большую часть образованных женщин составляли выходцы из зажиточных семей. По данным советских индологов, три четверти населения, принадлежавшего к высшим варнам, получали образование, умели читать, писать, тогда как грамотность среди шудр (трудолюбивых) была редким явлением. Вместе с тем следует отметить, что распространение буддизма в известной мере способствовало росту грамотности низших слоев общества, охвату первоначальным обучением и женщин.

В дальнейшем, однако, положение изменилось. Это особенно сказывается в период правления дельийских султанов (XIII—XIV вв.). Ислам, привнесенный извне, постепенно укрепил свои позиции, и под его влиянием положение женщин резко ухудшается. Был существенно ограничен доступ им к просвещению.

Тем не менее часть девочек получала начальное образование дома. Основным учебником для мусульманок служил Коран, а для индусок — литература по их религии. По некоторым данным, даже в период правления дельийских султанов и позднее существовало в какой-то форме женское образование⁴. Например, дочерям султанов и вельмож приглашали на дом наставников, дававших им определенное образование.

Аналогичные явления имели место и во времена правления Бабуридов (Великих Моголов). Например, дочь Бабура Гульбадан-бегим оставила нам ценное историческое сочинение «Хумаюн-наме»⁵. Она прекрасно владела как персидским, так и

¹ Просвещение в странах мира. М., 1967. С. 103.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 63.

³ Mookerji R. K. Ancient Indian Education. Delhi, 1960. P. 245.

⁴ Law N. N. The Promotion of Learning during Mohammadan Rule London, 1916 P. 200.

⁵ Подробнее о ней см. предисловие к кн.: Гульбадан-бегим, Хумаюн-наме. Ташкент, 1958.

староузбекским языком. До нас дошли также имена одаренных поэтов — Джанаро, Мирабей, Сахаджбай и многих других⁶.

В XVIII в. Индия стала владением британской короны. Почти 200-летнее господство Британии нанесло огромный ущерб экономике, культуре, всему социальному развитию Индии, принесло неисчислимые бедствия всем ее народам. Колониальные власти намеренно тормозили и развитие просвещения, в том числе женского. Перепись 1881 г. показала, например, что в Мадрасе соотношение грамотных и неграмотных женщин составляло 1:403, в Бомбее — 1:431, в Бенгалии — 1:976, в Ассаме — 1:2226, в Хайдарабаде — 1:3630 и т. д.⁷

Сеть женских школ была развита слабо, контингент их был незначительным (в основном из состоятельных семей). Что касается университетского образования женщин, то в 1875 г. администрация Калькуттского университета заявила: «Вопрос о допуске женщин в Университет является вопросом абстрактным. Ни одна женщина не будет допущена и не ожидается в ближайшем будущем быть допущенной»⁸.

Вплоть до середины XIX в. женские учебные заведения на средства колониальных властей вообще не открывались. В 1854 г. в связи с нарастающим недовольством населения этими и другими аспектами политики англичан был издан закон Ч. Вуда⁹. Закон признавал важность женского образования и необходимость открытия ряда учебных заведений для женщин. Однако деятельность колониальных властей в этом направлении в основном ограничивалась общими декларациями. В результате к 1901 г. женская грамотность в Индии составляла 0,9%¹⁰.

Передовая общественность страны не могла мириться с бесправным положением индийских женщин, в том числе в сфере образования. С ростом национально-освободительного движения усиливаются и требования, касающиеся социального распределения женщин, в частности обеспечения их равноправия и в области образования. Активистки женского движения организовывали цикл лекций и встреч с неграмотными женщинами, разъясняли им вредность затворничества и важность образования, призывали к борьбе за свои человеческие права. Это движение еще более усилилось под влиянием победы Великого Октября в России, вызвавшей мощный подъем революционно-освободительной борьбы народов Востока. В 1919—1922 гг. в Индии возникла по существу революционная ситуация.

В этих условиях общественно-политическая активность женских масс резко возрастает, они все шире вовлекаются в общее русло национально-освободительного движения. Усиливается и деятельность женских просветительных организаций, основанных еще во второй половине XIX — начале XX в. Одним из важнейших их требований было развитие женского образования. Большой активностью отличались такие просветительские общества, как «Общество Самадж» в Бенгалии, основанное Рам Махан Роем еще в 1828 г., «Общество Пратана Самадж» и общество «Арья Самадж» в Пенджабе, созданные в 1875 г. Рамом Кришна. В 1905 г. Гопал Кришна Гокхале основал в Пуне «Общество Сева Садан» и т. д.

Под растущим напором общественности постепенно растет сеть женских школ. Так, открылись первые школы для девочек в Мадрасе, Бомбее и др. Важной вехой в истории женского образования в Индии стало открытие в Пуне в 1916 г., в результате многолетних усилий проф. Д. К. Карве, женского университета.

Большое внимание вопросам женского образования уделяли Индийская ассоциация женщин (1917 г.), Федерация университетских женщин (1921), Национальный совет женщин (1925) и т. д.

В 1927 г. состоялась первая Всеиндийская конференция по образованию и социальным проблемам, рассматривавшая и вопросы женского образования. На третьей подобной конференции (1929 г.) отмечалось, что социальные проблемы тесно связаны с вопросами образования, в том числе женского. Все это способствовало усилению тяги индийских женщин к образованию. Так, в одном из выступлений на Всеиндийской конференции по образовательным реформам в Пуне (1927 г.) говорилось: «Было время, когда образование девочек не только не имело ни единого приверженца, но даже имело открытых врагов в Индии... Теперь можно с уверенностью утверждать, что везде в Индии необходимость в образовании как для девочек, так и для мальчиков является главной необходимостью прогресса, обязательным условием национального развития»¹¹.

К этому времени в Индии действовало 19 женских колледжей, 675 средних и 21 956 начальных школ, 1128 других специальных учебных заведений. Постепенно росло и количество обучающихся женщин. Так, в 1921/22 г. во всех учебных заведениях страны занималось 1,42 млн. учениц, а в 1947/48 г. — 4,3 млн. (из них 80%

⁶ Altekar A. S. The position of women in Hindu Civilization. Baroda, 1937. P. 23—24.

⁷ Status of women in India. New Delhi: Central Institute of Research and Training Cooperation. 1975. P. 21.

⁸ The Proceedings of the Calcutta University Syndicate. 1875. June 26.

⁹ Подробнее см.: Mukerji S. N. History of Education in India. Baroda, 1957. P. 130.

¹⁰ Women in India. New Delhi, 1975, P. 22.

¹¹ Misra L. Education of women in India (1921—1966). Bombay, 1966. P. 82.

в начальных школах). Если в 1921/22 г. соотношение между количеством учениц и учеников было 1 : 4,5, то в 1946/47 г. — 1 : 3,2¹².

В целом состояние женского образования в Индии оставалось весьма неудовлетворительным. Общая грамотность женщин там составляла: в 1911 г. — 1,1%, в 1921 г. — 1,8, в 1931 г. — 2,9, в 1941 г. — 3,4, в 1951 г. — 7,9%¹³.

Только с ликвидацией британского колониального господства индийский народ, в том числе женские массы, получили доступ к современному образованию, сложились реальные условия для роста общей грамотности населения этой крупнейшей из развивающихся стран.

Н. С. Кариева

¹² Там же. С. 5.

¹³ Там же.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

ОЧАЖНЫЕ ПОДСТАВКИ ИЗ БУЛАКБАШИ

(К идеологии древнего скотоводческого населения Самаркандского Согда)

Среди археологических памятников, обследованных Узбекстанской искусствоведческой экспедицией в западной зоне Самаркандской области, зарегистрировано и древнее поселение Булакбаши. Расположенное на окраине районного центра Кошрабад, оно частично разрушено современной застройкой и рассекающими ее траншеями. Однако эти траншеи дают то, чего не уловить на поверхности: своеобразные стратиграфические разрезы, причем в выбросах возле них выявлен значительный археологический материал с обилием фрагментов керамики.

Преобладают здесь хозяйственные сосуды — котлы, крупные горшки, хумы, тагора, крышки, но немало и столовых форм — миски, чашки, кувшины, малые горшочки. Сосуды эти лепные или изготовлены на круге медленного вращения. Черепок в большинстве грубый, с большой примесью песка. Цвет его красный или красноватый, почти все фрагменты — с черным перекалом в изломе. На хозяйственных сосудах иногда встречается светлый или красный ангоб, на мисках и чашках — густо-красный.

Весь комплекс очень близок к так называемой каунчинской культуре, широко зарегистрированной по всему Шашу¹ и по Средней Сырдарье². Судя по всем признакам, она была связана с местным оседло-скотоводческим населением.

Особое место в каунчинской керамике занимают очажные подставки для вертелов и горшков. Целый комплекс таких подставок собран нами и на Булакбаши. Они изготовлены из пропеченной почти до каменного состояния глины с высоким содержанием песка, что обеспечивало их огнеупорные свойства. Выделяются два типа: продолговатые (иногда их именуют «шашлычницами») и короткие. Первые имеют вид толстого и длинного пласта с расширяющимися книзу (для устойчивости) гранями; их концевые участки имеют сверху плавный выгиб, завершаемый изображением зооморфной головы, в ряде случаев редуцированной в простой рогообразный отросток. У подставки второго типа два таких рогообразных выступа соединены полукруглым выемом, а на оси под ним высверлено (еще до обжига) круглое отверстие диаметром 1,5—2 см, видимо для стержня, скреплявшего две подставки. Размеры продолговатых подставок — до 40 см в длину при высоте 11—18 см; длина коротких — 20—24 см, высота — 15—17 см.

Скульптурное оформление длинных подставок дает следующие варианты. Голова козла со схематично намеченной мордой, где наколами обозначены глаза, и винтообразными рогами, откинутыми назад, округляясь на концах (два экз.). Стилизованная голова бычка с небольшими приподнятыми полумесяцем рогами, между ними холка, наколами обозначены глаза. Три экземпляра передают не то антропоморфную, не то зооморфную личину — горбоносую, с длинными глазами в рельефных веках, прямой щелью рта (у одной по обе стороны от него по родинке) и крупным подбородком. Овал лица (морды?) обгибают два гибких валика, покрытых насечками. Их можно было бы истолковать как лежачие рога, однако у одной головы еще два таких валика сзади расходятся от темени на шею, у двух других спускаются по одному. Таким образом, это не рога, а косы.

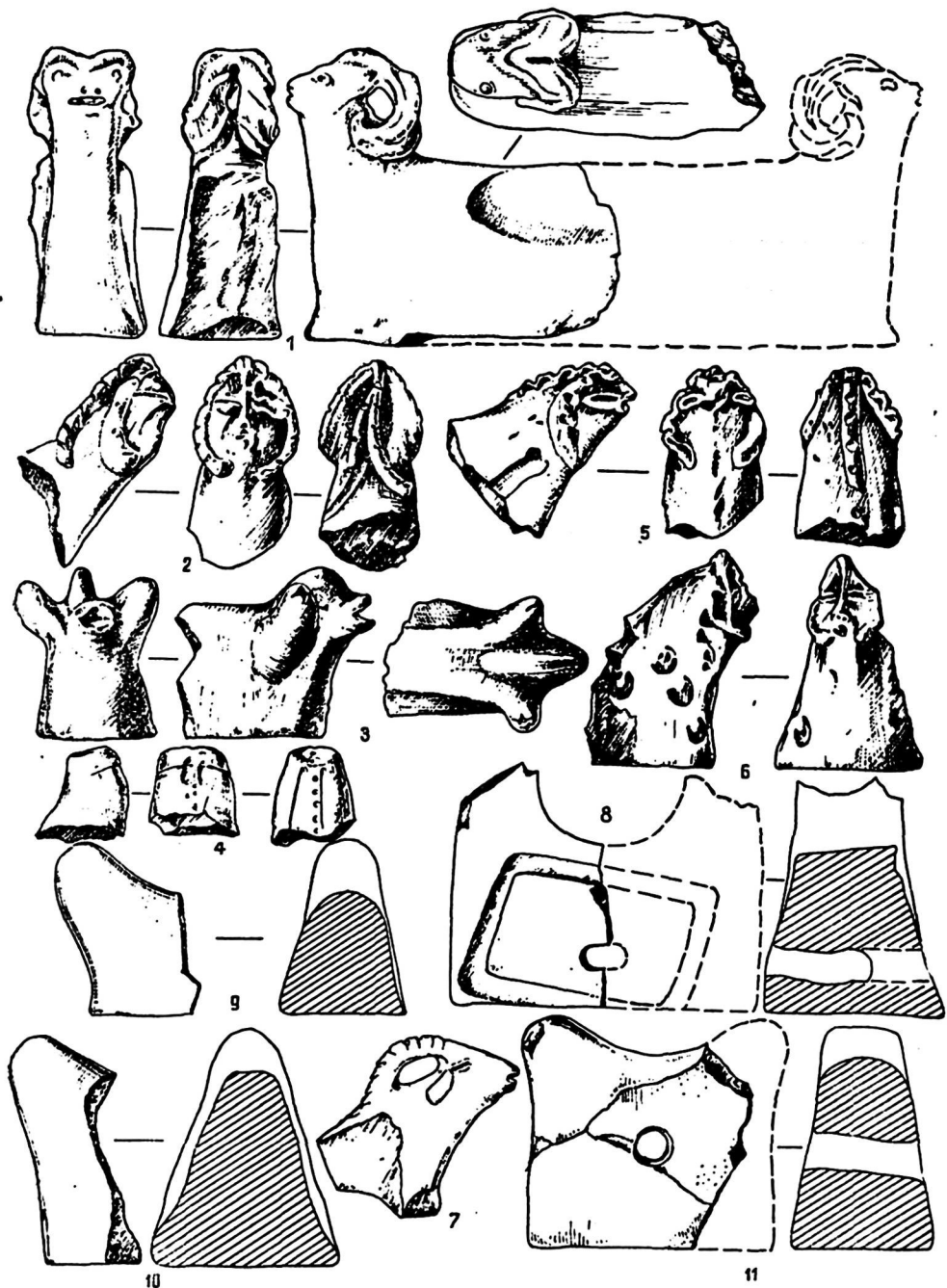
Керамика из Булакбаши наиболее близка к комплексу Каунчи-1³, но имеет свои варианты деталей. В частности, отлично фигурное оформление «шашлычниц».

¹ Григорьев Г. В. Каунчитепа (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940; Его же. Краткий отчет о работах Янгильской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940; Его же. Келесская степь в археологическом отношении // Известия АН КазССР. Сер. археологическая. Вып. 1. Алма-Ата, 1948.

² Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. М., 1971.

³ Буряков Ю. Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С. 72 и след. Рис. 6.

Если в Шаше это обычно баран (его голова или спирали рогов), то в Булакбаши иные образы: козел, бычок, антропоморфная личина. Что касается коротких подставок, то они несколько напоминают подставки, относимые к позднему комплексу Каунчи-III, которые почему-то именуют «быками». Но сходство ограничивается лишь двурогостью, ибо у позднекаунчинских имеется горизонтальное оттянутое основание как бы в форме башмака.



Датировки каунчинской культуры были предметом долгих дискуссий, причем передвижка дат для одного и того же комплекса превышала тысячелетие. Так, Каунчи-I, по Г. В. Григорьеву, — конец II — начало I тыс. до н. э., а Каунчи-II — середина I тыс. до н. э.⁴; по С. П. Толстову, Каунчи-I — I-II вв., Каунчи-II — II-IV вв., а может быть, еще позднее⁵. Датировка этих культур была заметно су-

⁴ Григорьев Г. А. Келесская степь... С. 49.

⁵ Толстов С. П. К вопросу о датировке культуры Каунчитепе//Вестник древней истории. 1946. № 1. С. 175 и след.

жена А. И. Тереножкиным⁶, Т. Г. Оболдуевой⁷, Л. М. Левиной⁸ — в пределах от II в. до н. э. до V в. н. э., — но все же при сдвигах на два-три столетия.

Однако работы последнего десятилетия в Ташкенте и Ташкентской области внесли дальнейшие уточнения, которые обоснованы стратиграфией ряда поселений, дающих начальные и конечные даты культуры Каунчи. Проблема эта обстоятельно рассмотрена Ю. Ф. Буряковым и М. И. Филанович⁹.

При сравнении с ташкентскими комплексами наша керамика, как указано, более всего сближается с Каунчи-I, датируемым этими авторами в пределах II в. до н. э. — II в. н. э. Эту дату подкрепляют наши находки в булакбашинских слоях фрагментов керамики совсем иного типа. Все они — от сосудов, изготовленных на гончарном круге быстрого вращения, имеют очень плотный однородный черепок красного, розового, коричневого цвета, покрыты красным или коричневым ангобом. В составе их — фрагменты кубков на конической ножке, полый или сплошной в сечении; резервуары их с почти прямым верхом и легким перегибом при переходе к круто-конической нижней части. Один экземпляр — со сфероидным очертанием резервуара и рельефным пояском при переходе к слегка скругленному верхнему участку. Имеется три фрагмента тонкостенных чаш диаметром 12—14 см с отлогим резервуаром, мягко скругляющимся к краю, два из них красноангобированные, один сероватого цвета. Найдены также плоское дно тонкостенного кувшина и более массивное от горшка, а также низ небольшого горшочка с двусторонним коричневым ангобом.

Эти сосуды принадлежат к типичным формам античной согдийской керамики, судя по профилям, — в основном I в. до н. э. — I в. н. э., а упомянутое массивное основание кубка и низ горшочка, — вероятно, II—III вв. Они служат показателем проникновения отдельных экземпляров городской ремесленной продукции в отдаленные предгорные районы обитания оседлых скотоводов, у которых господствовало домашнее гончарство.

Возвращаясь к очажным подставкам, отметим, что пластические изображения животных, иногда сильно стилизованные по принципу передачи «целого по части», имели распространение у кочевых народов так называемого сарматского (включая и часть среднеазиатского) мира. В науке они трактовались по-разному. Одни усматривают в них охранителей сосудов и их содержимого. Другие — элемент декоративного характера, перенос на простые гончарные изделия мотивов ювелирного искусства. Рассматривая этот вопрос, Б. А. Литвинский справедливо считает, что «воспроизведения домашних животных на керамике связаны с хозяйственной жизнью сарматских и среднеазиатских племен не непосредственно, а через сложную систему идеологических, в частности религиозных представлений»¹⁰. Однако его трактовка изображений барана на каунчинских очажных подставках и ручках сосудов как овеществленной символики зороастрийского фарна (субстанции, охранения благоденствия человека, дома, семьи, народа в целом)¹¹ вызывает большие сомнения. Прямое указание на воплощение в зороастрийской среде фарна в виде барана дает содержащийся в позднепехлевийском сочинении эпизод бегства сасанидского царя Ардашира от парфянского царя Артабана с наложницей последнего, когда удаче побега способствовал фарн, сопровождавший их в виде огромного барана¹². Изображение барана, обычно горного архаря, с перевязью на шее из гофрированных лент (царственный признак) встречается в позднесасанидском и согдийском искусстве (ткани, геммы)¹³. Но если это и фарн, то лишь царский, а не всеобщий, притом иконографически не единственный. Воплощения фарна были и иными. Так, согласно Авесте, фарн Кавенидов имел вид птицы, которая отлетела от первого царя Иимы, после чего ему изменила судьба и он потерял царство¹⁴.

Возможно, в зороастрийской среде были и иные воплощения фарна. Но в какой мере правомерно распространение зороастрийских представлений о фарне, притом в конкретном образе барана, на всю сарматскую, в частности северо-среднеазиатскую, среду, где существовал присущий скотоводам мир религиозных представлений и образов, только на том основании, что у них было популярно изображение барана?

⁶ Тереножкин А. И. Рец.: Г. В. Григорьев. Каунчитепа//Известия УзФАН СССР. 1940. № 8. С. 88 и след.

⁷ Оболдуева Т. Г. Курганы джунгской культуры//Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 23. М.; Л., 1948. С. 101 и след.

⁸ Левина Л. И. Керамика... С. 178 и след.

⁹ Буряков Ю. Ф. Генезис... С. 71; Филанович М. И. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. С. 62.

¹⁰ Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968. С. 13.

¹¹ Литвинский Б. А. Джунгский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы//Советская археология. 1967. № 2. С. 33; Его же. Кангюйско-сарматский фарн.

¹² Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. С. 55—56.

¹³ Ghirshman R. Iran. Parfen et Sassanides. Paris, 1962. Fig. 277; Frye R. N. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1973. N 34, 62, 65, 66; Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Л., 1963. С. 126—131, 134—136; Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. Табл. XXX, LIV.

¹⁴ Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960. С. 57—58.

Баран, козел, собака, бык, кабан — эти зооморфные пластические образы нередки на сосудах у народов — носителей «сарматоидных культур». Причем у разных народов имело предпочтение то или иное из названных животных. В отдаленном прошлом оно было их тотемом, в рассматриваемый же период сохраняло в основном роль апотропеев, наделявшихся сверхъестественной силой отвращения зла от самого сосуда, его оодержимого и его владельца. В области Шаша это был преимущественно баран, в мианкальском же регионе, как видим, козел, бычок, а также некое антропоморфное божество, судя по косам, — женское (напомним, что туркменки заплетают по старой традиции не две, а четыре косы). Поскольку божество это предстает на очажных подставках «на равных» с упомянутыми животными, а сами подставки изготовлялись в окотоводческой среде, есть все основания считать, что это богиня — покровительница животного мира. Связь ее с производящими силами природы, образным воплощением которых были козел (мир животных) и «древо жизни» (растительный мир), засвидетельствована искусством многих народов. Таков, например, резанный из слоновой кости хититский горельеф II тыс. до н. э., где богиня протягивает пучки растений стоящим по обе стороны от нее козлам¹⁵. Таковы сцены поклонения Иштар, близ которой высится древо и стоят один или два козла, на ассирийских печатях VII—VI вв. до н. э.¹⁶

Одна из ипостасей Великой богини такого рода, очевидно, почиталась жителями Булакбаши и других поселений того же историко-культурного круга. В зороастризме покровительницей мира живой природы была Анахита, но отождествлять с нею булакбашинскую богиню неправомерно. В Авесте Анахита фигурирует в образе прекрасной девы, на очажных же подставках представлен не идеал, а идол, у которого устранено реалистическое точное подобие форм и черт, ибо именно идол отвечал магико-символическому значению местной богини. Вместе с тем введение ее пластических изображений на концевых участках очажных подставок свидетельствует о связи данной богини с культом домашнего очага, а может быть, и шире — с культом огня, о котором также свидетельствуют находки курильниц на Булакбаши. Но ни подставки, ни курильницы отнюдь еще не говорят о зороастрийском начале, ибо разновидности культов огня были присущи многим народам древности.

Таким образом, мы получаем некоторые конкретные представления о культовой идеологии жителей данного поселения. Они принадлежали к единому с каунчинцами этнокультурному пласту, но, очевидно, иному роду-племени, древним тотемом и объектом почитания которого был избран не баран, а иные животные — козел, бык и упомянутое женское божество.

Булакбаши было не единственным поселением этого рода в Самаркандском Согде — другие еще ждут своего открытия. Прямым указанием тому служат нижний культурный горизонт городища Тали-Барзу под Самаркандом (слой Тб-1). Здесь оказался кусок очажной подставки длинного типа, заверченный головой рогатого животного (опубликованное изображение нечетко)¹⁷. Этот факт, часть керамических черепков и терракота из того же горизонта никак не согласуются с отнесением Б. Я. Стависким слоя Тб-1 к концу II — первой половине III в. н. э.¹⁸, но позволяют признать более правильной точку зрения А. И. Тереножкина, который датировал его около рубежа новой эры¹⁹, а может быть, и старше.

Булакбаши — свидетельство освоения носителями каунчинской культуры уже в первых веках до н. э. — начале н. э. малозаселенных предгорных районов Самаркандского Согда, где были благоприятные возможности для богарного земледелия и оседлого скотоводства, при сохранении патриархальных форм хозяйства, быта, идеологии. Находясь на границе культурно-земледельческих оазисов и горных районов отгонного скотоводства, они поддерживали обменные контакты с населением урбанизированных зон Самаркандского Согда, почти не восприняв, однако, присущих ему форм материальной, а вероятно, и духовной культуры.

Г. А. Пугаченкова

¹⁵ Francfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient. London, 1970. P. 265. Fig. 307.

¹⁶ Wideman D. J. Götter und Menschen in Rollspiegel Westasiens. Prague, 1958. S. 67—68.

¹⁷ Григорьев Г. Тали-Барзу // Труды Отдела Востока/Гос. Эрмитажа. Т. II. Л., 1940. С. 91. Рис. 3в.

¹⁸ Ставиский Б. Я. О датировке ранних слоев Тали-Барзу // Советская археология. 1967. № 2. С. 26—27.

¹⁹ Тереножкин А. И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда // Вестник древней истории. 1947. № 4. С. 128 и след.

ПЕРСОНАЖ СО ЗМЕЯМИ НА ФРАГМЕНТЕ ОССУАРИЯ

В 1985 г. в Институт искусствознания им. Хамзы была доставлена находка, обнаруженная на южном берегу Чимкурганского водохранилища (Кашкадарьинская область), очевидно в связи с размывом слоев одного из находящихся там древних поселений. Сотрудник Института Э. В. Ртвеладзе любезно передал ее нам.

Находка представляет собой фрагмент изделия из обожженной глины с отштампованным изображением. Черепок в изломе красноватого цвета, с примесью

мелко дробленной дресвы, по поверхности светло-ангобированный. Обратная сторона грубо обработана, имеются подрезы ножом и следы пальцев, поддерживавших черепок при оттиске штампа. Средняя толщина черепка 1,3—1,8 см, размер фрагмента 7×6 см. Со всех сторон идет облом, лишь на верхнем краю сохранился маленький кусочек светлого ангоба, показывающий, что завершение было, очевидно, на этом уровне. Можно было бы предположить, что мы имеем дело с так называемой плиткой-иконкой, каковые и ранее находили в зоне Кашкадарьи, но последние, как правило, довольно хорошо обработаны и с обратной стороны, поэтому логичнее всего предположить, что это — фрагмент оссуария.

Изображение заключено в арку, выполненную по сырой глине острым инструментом насечками на самом оссуарии, тогда как помещенное внутри арки изображение сделано штампом. Последний, очевидно, был больше по размеру, чем предназначенная для него площадь, поэтому некоторые части изображения оказались срезанными при оформлении арки.



Сохранилось погрудное изображение персонажа, голова которого дана высоким рельефом. Головной убор в виде полусферического шлема с рельефно выполненными полосами низко надвинут на лоб. Вверху шлем заканчивается короткими изогнутыми внутрь рогами, между которыми помещена круглая розетка из восьми колец. Она могла символизировать солнечный диск. Отметим сразу, что головной убор не находит прямых аналогий в искусстве Средней Азии, но изображение солнечного диска между рогами животного или на головном уборе богов — мотив, известный в искусстве Востока с древности (священный бык Апис, богиня Исида и др.). Лицо вытянутое, сужающееся вниз, к выступающему крупному подбородку, выполнено схематично. Брови вытянуты в прямую горизонтальную линию, от которой вниз отходит массивный, в виде широкой полосы нос. Глаза удлиненные, даны выпуклыми полосками без показа зрачков¹. Губы сомкнуты, щеки подрезаны ножом по сырой глине от глаз до губ. В целом облик передает черты отрешенности и суровости, поэтому затруднительно определить пол персонажа: либо к мужским приближены черты женского лица, либо, скорее, изображен мужчина.

Уши отштамповались нечетко, но они резко отставлены в стороны от головы и на разном уровне с них свисают серьги-колючки. Переход к туловищу отмечен слабо, на груди сохранилось несколько круглых бляшек. От плеч с обеих сторон симметрично вверх отходят извивающиеся змеи, несколько разнящиеся между собой. От

¹ Отсутствие проработки зрачков у описываемого персонажа может означать передачу закрытых или слепых глаз. Здесь уместно вспомнить, что по Махабхарате, у связанных происхождением с «нижним миром» Кауравов отец был слеп (кстати, он носит имя демона-змея), а мать, завязывавшая себе глаза, была символически слепой. Очевидно, слепота здесь — синоним тьмы.

правого плеча поднимается змея, по тулову которой в ряд размещены выпуклые нанесенные пунсоном колечки, голова маленькая, заостренная на конце, с двумя углубленными точками-глазами; от левого плеча — змея с крутым изгибом утолщенного участка тулова с рельефной передачей чешуи и широкой уплощенной головкой. Головки змея находятся на уровне начала шлема, от которого, видимо, в стороны и вверх также отходили изображения змей — правая отштамповалась четко, но верхняя часть ее срезана при оформлении арки, а левая смята.

С глубокой древности складывались представления о змее как носительнице двух противоположных начал — жизни и смерти, равно необходимых для существования мира. В шумерской мифологии змеевидный облик имели мужские божества и змея олицетворяла активные оплодотворяющие силы².

В системе зооморфного кода, связанного с представлениями о зонах мироздания, змеи были устойчиво связаны с «нижним миром» («...корнями мирового дерева»)³. В свою очередь, «нижний мир» имел в архаических космологиях две неравные функции — порождающее и поглощающее, могильное начало⁴.

Характерные особенности змей внушали человеку идею с бессмертия⁵. Именно эта идея прежде всего привела к тому, что змея становится символом и атрибутом различных божеств⁶.

В коропластике южнотуркменистанских племен периода развитой бронзы распространяются женские статуэтки с прическами в виде извивающихся кос, напоминающих ползущую змею, так что некоторые исследователи видят в них косы-змеи⁷. На металлических бактрийских печатях эпохи бронзы представлены божества, сидящие на змее или драконе, а также сжимающие змей или драконов поднятыми руками⁸.

Вспомним некоторых ведических богов, связанных с «нижним миром». Бог Варуна («Ригведы») — повелитель вод, хранитель космического закона, одновременно владыка «нижнего мира», связанный с ночью, тьмой, смертью, а его дворец находится в океане, в мире змей⁹. Бог Вишну четыре месяца проводит в «нижнем мире», где спит, лежа на мировой змее, но представляет он единство обоих миров и, принимая разные формы, имеет и змеиный облик¹⁰. В более поздней традиции у него два атрибута — небесная птица и подземный змей. «Верхний» и «нижний» мир в древней мифологии — две стороны космоса, в конечном счете они едины, но в ведической мифологии они и противопоставляются друг другу, как противопоставляются сила жизни и сила смерти, свет и тьма, связанные с ними божества и проч.

Остановимся особо на тех образах, где змеи непосредственно связаны с антропоморфным или полуантропоморфным персонажем, являются его частью. Так, по одной из версий скифского генеалогического мифа, супругой Юпитера (тождественного Зевсу—Папаю) было существо с полужвериным телом и двумя змеями, причем, судя по иконографическому материалу из Причерноморья, эти змеи растут из плеч. По другим версиям, с богиней Апи, имеющей змеиную нижнюю часть туловища и двух змей, сочетался браком Геракл. Богиня эта была воплощением «нижнего мира», земного и водного начала¹¹, а вместе с тем связана и с культом богини — владычицы зверей¹². Очень важно, что на некоторых изображениях нижняя часть тела трактована в виде пальметты, лепестки которой образуют как змеи, так и растительные побеги, что символизирует обе функции богини — функцию плодородия, рождения и функцию связи с хтоническим миром¹³. По данным Фирмика Матерна (IV в. н. э.), и в Иране существовал единый культ мужского божества («угоняющего быков») и женского божества со змеями. При этом чудовище, проросшее змеями, было женским воплощением огня¹⁴.

² Антонова Е. В. Мургабские печати в свете религиозно-мифологических представлений первобытных обитателей юга Средней Азии и их соседей // *Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности: Сборник*. М., 1983. С. 18, 20.

³ Перевозчикова Е. В., Раевский Д. С. Еще раз о назначении скифских наверхий // *Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (История и культура)*: Сборник. М., 1981. С. 46.

⁴ Раевский Д. С. *Очерки идеологии скифо-сакских племен*. М., 1977. С. 45.

⁵ Штернберг Л. Я. *Первобытная религия в свете этнографии*. Л., 1936. С. 411.

⁶ Кожин П. М., Сариянди В. И. Змея в культовой символике анауских племен // *История, археология и этнография Средней Азии: Сборник*. М., 1968. С. 38.

⁷ Массон В. М., Сариянди В. И. *Среднеазиатская терракота эпохи бронзы*. М., 1973. С. 31.

⁸ Сариянди В. *Древнебактрийский пантеон* // *Тезисы докладов научной конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии»*. Ташкент, 1985. С. 120—121.

⁹ Кёйпер Ф. Б. Я. *Основополагающая концепция ведийской религии* // *Труды по ведийской мифологии*. М., 1986. С. 33.

¹⁰ Там же. С. 36; Его же. Три шага Вишну // Там же. С. 106, 111.

¹¹ Раевский Д. С. *Очерки...* С. 49.

¹² Шелов Д. Б. К вопросу о взаимодействии местных и греческих культов в Северном Причерноморье // *КСИИМК*. XXXIV. 1950. С. 65.

¹³ Раевский Д. С. *Очерки...* С. 53.

¹⁴ Там же. С. 56, 120.

Таким образом, если видеть в нашем изображении женщину, то она более всего ассоциируется с указанными персонажами скифской и иранской мифологии. Обратим еще внимание на то, что разная трактовка растущих из плеч змей не является, на наш взгляд, случайной и передает идею парности змей, как мужского и женского начала, усиливая тем самым идею плодородия, заложенную в самом персонаже. Символику плодородия могут передавать и бычьи рога на шлеме.

Рассмотрим и возможную мужскую инверсию образа. Пару божественных братьев-врагов Ахура-Мазду и Ангро-Майнью (Ахра-Маню) как бы дублируют Йима и Ажи-Дахака Авесты, в более поздней традиции («Шах-наме») соответствующие Джемишду и Даххаку (Заххаку). Уже Ангро-Майню принимает облик змея, он же населяет мир, в числе других вредных животных, и змеями.

В «Шах-наме» рассказывается о том, что бес и оборотень Эблис испросил у царевича Заххака разрешения облобызать его плечи. Разрешение было дано.

«И тотчас же бес под землю исчез,
Никто не запомнит подобных чудес!
О горе! Из плеч поднимаются змеи
И, черные, вьются вдруг царственной шен»¹⁵.

И сколько Заххак ни срезал змей, они вырастали снова.

Казалось бы, мужская ипостась персонажа, прорастающего змеями, несет сугубо отрицательное начало, однако здесь следует учесть несколько моментов. Во-первых, у разных групп племен могли существовать варианты культовой мифологии, которые в условиях относительной изоляции могли сохраняться длительное время. Во-вторых, при распространении других культов благие боги могли превращаться в свою противоположность — богов зла. В-третьих, исследователи обращают внимание на возможность зеркальной инверсии мифов. Так, С. П. Толстов приводит пример из осетинского эпоса, когда Амиран (искаженное Ариман, авестийское Ангро-Майню) выступает в качестве положительного героя, участвующего на стороне змеи в борьбе с быком, в противоположность авестийской концепции. При этом он считает, что здесь проявляется более архаический пласт среднеазиатско-скифского дуалистического мифа¹⁶. В-четвертых, имеются примеры того, что из общиндоевропейских представлений могли развиться культы мужского и женского божества с совершенно идентичными функциями. Такова греческая богиня очага Гестия, особенно в раннем пласте ее культа, и индийский бог Агни¹⁷. С другой стороны, например, великий змей Мехен египетской мифологии, сопровождавший Ра в его странствиях по подземной стране, выступал как в мужской, так и в женской ипостаси¹⁸.

Наконец, как бы «примиряет» мужскую и женскую ипостась очень удачная, как нам кажется, гипотеза Д. С. Раевского, согласно которой скифская змееногая богиня является воплощением Ажи-Дахака, но выступающего не в качестве злого начала как в зороастризме, а в качестве хтонического божества¹⁹. Не будем рассматривать высказанное им же предположение о связи мужской головы в руке богини с образом Йимы, оно кажется нам более проблематичным, а вот основная часть гипотезы объясняет многое.

Образ Заххака усматривает Г. А. Пугаченкова в несколько примитивно выполненной фигурке нагого юноши, найденной на Бараттепа (там же найдена и матрица-калыб), где змеи обвивают его ногу и голову, а головки их расположены на груди и плече. Этот же образ видит она и в терракоте из Зартепа, опубликованной Л. И. Альбаутом²⁰. Изображения эти своеобразны, отличны от описываемого и имеют, очевидно, иные истоки.

Выразительный образ божества, изображенного на анализируемом фрагменте, явно имеет хтоническое происхождение и потому закономерно появление его на оссуарии как воплощения поглощающего начала «нижнего мира» в ипостаси его повелителя или повелительницы. Одновременная передача символики плодородия не противоречит этому. Глубокая архаичность образа заставляет предположить наличие в нем индоиранского субстрата.

Новая находка обогащает наши представления о сложных образах искусства древнего населения Узбекистана.

С. Б. Лунина, З. И. Усманова

¹⁵ Фирдоуси. Сказ о Кове-кузнеце. Шах-нам//Антология таджикской поэзии. М., 1951. С. 119.

¹⁶ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 300—301.

¹⁷ Раевский Д. С. Очерки... С. 90—91.

¹⁸ Липинская Л., Марциняк М. Мифология древнего Египта. М., 1983. С. 197.

¹⁹ Раевская Д. С. Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства//Искусство и археология Ирана: Всесоюзная конференция. Доклады. М., 1971. С. 276.

²⁰ Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии//Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973. С. 118—119.

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПАЙКЕНДСКОМ МИКРООАЗИСЕ

Комплексное изучение истории древнего орошения низовьев Зарафшана имеет давние традиции. В 1965 г. при Академии наук УзССР была создана возглавленная акад. АН УзССР Я. Г. Гулямовым комиссия по использованию данных исторических наук для практики народного хозяйства¹. К настоящему времени накоплен богатый материал по истории орошения, который можно успешно использовать в целях дальнейшего развития мелиорации земель.

Данные историко-археологических исследований Пайкендского массива свидетельствуют, в частности, о непосредственной зависимости обитателей Пайкендского массива от водного баланса р. Зарафшан. В голоценовый период в гидрографии массива значительную роль сыграли рельефообразующие процессы, довольно четко подразделяемые на три главных этапа.

Первый — предголоценовый — характеризуется аридизацией климата, вздыманием горных образований и предгорных равнин, интенсивным врезанием горных и предгорных рек в более ранние отложения. На обширных пространствах происходят разрывы и планиация. Формирование осадков шло главным образом в речных и суходольных долинах в виде узких прерывисто-вытянутых террас. На равнинных пространствах осадки формировались за счет периодических паводков и эоловых процессов, песчано-алевролитового и глинистого состава.

На втором этапе благодаря некоторому увлажнению климата в горных и предгорных областях возрастает водность большинства рек. На равнинах идет площадное накопление осадков, а в понижениях рельефа в бессточных и полубессточных впадинах обновляются ранее существовавшие озера и образуются новые по всему периметру конуса выноса Зарафшана. Озера благодаря постоянному подпитыванию прунтовыми и поверхностными водами были слабозаболоченными.

На третьем, современном этапе еще более усиливается тектоническая активность в горном обрамлении Зарафшанской долины, а одновременно происходит иссушение климата. Тектоническая активность и колебания климатических условий в определенной мере отразились и на водности крупных рек ледникового питания. Пересыхают или полностью исчезают озера и болота, а на их местах образуются такыры и солончаки. Усиливаются эоловые процессы, припойменные и речные песчаники, лишившись постоянного увлажнения, легко развеваются ветром; образуются типичные пустынные ландшафты. Осадконакопление водным путем происходит главным образом вдоль постоянно действующих водостоков, в руслах накапливаются большие массы осадочного материала.

В дальнейшем мелкие протоки на отдельных участках и главные русла Зарафшана отмирают и засыпаются эоловыми песками. При восполнении водного баланса реки эти протоки частично размываются, а частично работают как водоподводящие каналы. Разгрузка подземных вод происходит на периферии конусов выноса. На этих участках древние земледельцы рыли колодцы, используя их воду для орошения.

Ценный материал для улучшения мелиоративного состояния земель дает изучение тысячелетнего опыта ирригаторов. Отметим, в частности, что в конце XIX — начале XX в. на территории Хорезма, Каракалпакии, Каракульского района насчитывалось более 70 тыс. чигирей. Использование подземных вод для орошения земель Пайкендского массива способствовало поддержанию исторически сложившегося критического уровня грунтовых вод, что оказывало существенное влияние на регулирование гидрохимических и геохимических процессов в условиях жаркого и засушливого климата.

Результаты историко-археологических, литолого-палеогеографических исследований могут быть практически полезными для разработки проектов мелиоративного улучшения земель за счет рационального использования подземных вод, а также для решения общих проблем инженерной геологии и гидрологии.

*А. Р. Мухамеджанов, М. Х. Годин,
К. А. Крахмаль*

¹ См.: Толстов С. П. Земли древнего орошения. М., 1969. С. 63—74.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

«МУНТАХАБ АТ-ТАВАРИХ» И ЕГО СПИСКИ

«Мунтахаб ат-таварих» — один из замечательных памятников узбекской литературы первой половины XIX в. Это сочинение, написанное Мухаммад Хаким-ханом, видным историком, литератором, географом, путешественником, просветителем, является не только важнейшим источником по истории Средней Азии, главным образом Бухарского эмирата, Кокандского ханства и ряда независимых владений, а также сопредельных стран XVIII—XIX вв., но и ценным географическим и литературным памятником. Как географическое сочинение оно дает много интересного

и оригинального материала по истории и культуре целого ряда стран, в том числе России и Ближнего Востока, которые автор лично посетил и описал. Этот энциклопедический труд примечателен и тем, что он по праву считается прекрасным памятником узбекской прозаической мемуарной литературы.

Ввиду этого не удивительно, что в свое время «Мунтахаб ат-таварих», пользовавшийся большой популярностью, разошелся во множестве рукописных списков. Рассмотрению последних и посвящена настоящая статья.

Списки «Мунтахаб ат-таварих» представлены как на персидско-таджикском, так и на узбекском языках. Поэтому многие авторы оригиналом считают узбекский вариант. Так, И. М. Муминов полагал, что это сочинение написано на узбекском языке. Причем список № 594 он принимал за литографированное издание, будто бы изданное в 1877 г. в Ташкенте¹.

Х. Расул и М. Кадырова, которые на современной узбекской графике осуществили издание отдельных частей данного сочинения, выполненное на основе списка № 594, также принимают за оригинал узбекскую версию².

Р. Н. Набиев высказал предположение, что этот труд был написан на узбекском языке и сразу же переведен на таджикский³. При этом он ссылается, не указывая конкретно лист ссылки, на историческое сочинение «Анджум ат-таварих».

Однако еще П. П. Иванов писал: «Труд Мухаммед Хакима, носящий название «Мунтахаб ат-таварих» (Избранные истории), дошел до нас как в своем персидско-таджикском подлиннике, так и в среднеазиатско-тюркском (чагатайском) переводе, который отчасти справедливо было бы назвать версией»⁴.

О числе списков этого сочинения также нет единого мнения. Так, А. А. Семенов писал: «В. Л. Вяткин передавал мне, что списков «Мунтахаб ат-таварих» было сделано всего 7»⁵.

Х. Хасанов говорит о пяти списках, хранящихся в ИВ АН УзССР⁶. Причем список № 594 он не упоминает. А. Насыров также отмечает, что в ИВ АН УзССР хранится пять списков — три на персидском и два на узбекском языках⁷. Х. Расул и М. Кадырова тоже говорят о пяти списках (два на узбекском и три на персидском языке)⁸. Г. И. Костыгова же пишет о шести известных в СССР списках⁹.

Анализируя этот вопрос, А. Мухтаров приходит к мнению, что в рукописохранилищах Ленинграда, Душанбе и Ташкента хранится одиннадцать списков сочинения Мухаммад Хаким-хана: «Те семь экземпляров, о которых говорил В. Л. Вяткин А. А. Семенову, относятся к таджикскому варианту рукописи, а упоминаемые 10—11 экземпляры включают таджикские и узбекские варианты рукописи»¹⁰.

В рукописном фонде ИВ АН УзССР имеется шесть списков этой рукописи — четыре на персидско-таджикском и два на узбекском языке.

Список № 592 датируется 1259/1843 г., переписчик — домла Мухаммад Амин, о чем свидетельствуют слова: «Было от лета 1259, последний день лунного месяца раби ас-сани, пятничный день, когда в вилайете Китаб рукою ничтожного из ничтожнейших домлы Мухаммад Амина завершилась [переписка этой книги]»¹¹.

Это — один из десяти списков, переписанных с авторского экземпляра, о чем говорит пометка на полях рукописи: «С этой книги сделано десять списков, которые разошлись по вилайетам»¹².

На полях рукописи имеются различные добавления, порою весьма существенные (л. 18аб, 47аб—49а, 272аб и т. д.); названия некоторых разделов также даны на полях (л. 145б, 181а, 184а, 234а и т. д.); отдельные места текста намеренно тщательно смазаны пальцем (л. 226б, 227а, 639б, 645аб и др.); имеются пустые листы (л. 324б—327аб).

В каталогах указывается, что этот список содержит 677 л.¹³, в действительности же их 669 л. Из ташкентских списков он наиболее полный и лучший.

¹ Муминов И. Философские взгляды Мирзы Бадиля. Ташкент, 1957. С. 30.

² Хакимхон. Хотиралар. Тошкент, 1966. 14-бет.

³ Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. Ташкент, 1973. С. 7.

⁴ Иванов П. П. Восстание кытай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг.: Источники и опыт их исследования. М.; Л., 1937. С. 46.

⁵ Цит. по: Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих (Подготовка факсимильного текста, введение и указатели А. Мухтарова): В 2 кн. Кн. 1. Душанбе, 1983. С. 10.

⁶ Хасанов Х. Уртаосиёлик географ ва саёҳлар. Тошкент, 1964. 215-бет.

⁷ Насыров А. Указатель литературы (источников) о жизни и деятельности Улугбека/Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1965. С. 375.

⁸ Хакимхон. Хотиралар. 14-бет.

⁹ Костыгова Г. И. Персидские и таджикские рукописи «Новой серии» в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина//Восточный сборник. Вып. 3. М., 1972. С. 65.

¹⁰ Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих. С. 15.

¹¹ Мунтахаб ат-таварих: ркп. ИВ АН УзССР, № 592, л. 669а.

¹² Там же, л. 1б.

¹³ Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР (СВР АН УзССР). Т. 1. Ташкент, 1952. С. 88.

Список № 593 переписан со списка № 592 в 1316/1899 г. В. В. Бартольд пишет, что он принадлежал бывшему переводчику при губернаторе Самаркандской области Сер Али Лапину (передан ему графом Н. Я. Ростовцевым)¹⁴.

Согласно А. Мухтарову, список № 593 был куплен у Сер Али Лапина Н. Я. Ростовцевым¹⁵.

Однако в самом списке № 593 читаем: «Настоящая рукопись списана с рукописи, принадлежащей ходжендскому старшему аксакалу Бабарайму и доставшейся ему от внука автора этого сочинения, проживающего в г. Ходженде, весной 1899 года по моему поручению мирзоу Абду-Саматовым. С. Лапину»¹⁶.

Поскольку этот список переписан непосредственно со списка № 592, то в целом он аналогичен ему. Но вместе с тем в списке № 593 нередко встречаются ошибочно написанные лишние слова, искажения слов, отдельных имен собственных, замена титулов (бия на хана, или наоборот), отдельные места текста искажены, диакритические знаки поставлены неуместно либо вовсе отсутствуют и т. д. Все это свидетельствует о небрежности и даже неопытности переписчика.

Имеются и более серьезные ошибки. Так, переписчик дважды перепутал имя правителя Хульма Мухаммад Амин-хана с правителем Коканда Мухаммад Али-ханом (л. 194б, 195а). Далее он дважды перепутал сына кокандского правителя Ширали-хана, Абд ар-Рахман-бека с сыном Мухаммад Али-хана, Мухаммад Амин-беком (л. 221б, 222а), хотя выше уже шла речь о казни Мухаммад Амин-бека. Неверно написаны некоторые даты, например вместо 1255 г. дано 1257 г. (л. 203б). Есть и более мелкие погрешности, которые хотя и не меняют смысла текста, но являются отклонением от него.

Настоящий список содержит 481 л.

Список № 594 датируется 1294/1877 г.¹⁷ Имя переписчика неизвестно. Это сокращенное переложение труда Хаким-хана на узбекский язык. Текст зачастую настолько далек от оригинала, что его можно принять за одну из версий «Мунтахаб ат-таварих». На это в свое время указывал еще П. П. Иванов: «Сопоставление имеющейся в Институте востоковедения Академии наук персидской рукописи Мунтахаб ат-таварих с чагатайским переводом того же сочинения показывает, что мы имеем дело с некоторого рода двумя вариантами одного и того же сочинения, в ряде мест не вполне совпадающими между собою, а поэтому требующими особого внимательного критического отношения»¹⁸.

Имя «переводчика» (скорее всего, их несколько) также неизвестно. В целом текст является не переводом, а пересказом, хотя некоторые места, например описание путешествий автора, довольно близки к оригиналу. Нередко встречаются очень грубые ошибки. Так, «переводчик», введенный в заблуждение сходством слов «санг» (камень) и «синг» (титул индийских раджи), передал последнее как «таш» (камень). Это зафиксировано на полях списка каким-то читателем: «Тысяча камней на ваши головы, невежественные переводчики, ибо, взяв гарантом подобное невежество, вы принялись за перевод книги, заслужив тем самым на свое темя порицание камнем. Ваша глупость и невежественность были в такой степени, что при переводе имя человека вы изменили на другое слово. Какого дурака это дело! Имя правителя Лахора было Нунхал синг, а это слово суть из индийских имен. Не «санг» (т. е. не камень.— Э. Х.), а «синг», а «кастрой син», что является лакабом индийских раджей. Не ведая истины, вы заслужили поношение камнями»¹⁹.

Основная сюжетная линия здесь более или менее сохранена, но менее значительные эпизоды, описания, рассуждения автора, к которым он прибегает довольно часто, опущены. «Переводчики» старательно обходят все трудные для перевода места. Вместе с тем они наряду с сокращением текста нередко вводят новые эпитеты, сравнения, риторические обороты и т. д. Характерно также стремление ввести в свой текст реалии более понятные тюркоязычному читателю. Например, «Аб-и Снях» (№ 593, л. 230б) переводят «Карасу» (№ 594, л. 212б), вместо «фарсах» (№ 593, л. 234б) дают «таш» (№ 594, л. 216а) и т. д.

Иногда сокращение текста приводит к искажению смысла и нарушению логики повествования. Так, автор рассуждает о том, что служба у эмира Насруллы опротивела ему и он не знает, как избавиться от нее. Далее он пишет о себе, а затем переходит к описанию борьбы бухарского правителя со своими амирами (№ 593, л. 183а—185а). В № 594 вся эта часть опущена, а в итоге личные чувства автора оказались приписанными бухарским амирам (л. 193а).

В списке немало больших лакун. Их характер говорит о вполне определенной тенденции: исключить все, что не имеет прямого отношения к основному тексту. Например, в № 593 автор дает изложение истории Афганистана (л. 151б—153б), которая в № 594 отсутствует и заменена изложением других событий (л. 160а—165б). Между л. 208 и 209 этого же списка имеется большая лакуна, соответствующая в № 593 л. 198б—225б.

Значительная часть стихов оригинала также опущена, а оставшиеся, как правило, даются на персидско-таджикском языке, лишь некоторые из них переведены

¹⁴ Бартольд В. В. Соч. Т. VIII. М., 1973. С. 157.

¹⁵ Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих. С. 14.

¹⁶ Мунтахаб ат-таварих: ркп. ИВ АН УзССР, № 593, л. 481б.

¹⁷ Мунтахаб ат-таварих: ркп. ИВ АН УзССР, № 594, л. 408а.

¹⁸ Иванов П. П. Восстание китай-кипчаков... С. 46—47.

¹⁹ Мунтахаб ат-таварих: ркп. ИВ АН УзССР, № 594, л. 206б.

на узбекокий язык (л. 198аб и др.). Все рассуждения автора о себе обычно опускаются, в отдельных местах повествование ведется как бы от третьего лица (л. 203б, 208а и др.).

Нередко текст совершенно не соответствует оригиналу. Так, в № 594 есть раздел: «Упоминание о событии газавата Мухаммад Али-хана с хитаи и его победе и триумфе», повествующий о походе Мухаммад Али-хана в Кашгарию (л. 182б—184а), который вклинивается в изложение борьбы Насрулла-хана за власть. Подобных примеров предостаточно.

Допущено также немало грубых ошибок. Так, правитель Мерва Байрам Али-хан перепутан с персидским шахом Баба-ханом, т. е. Фатх Али-шахом (1797—1834), который в «Мунтахаб ат-таварих» назван «ханом-кастратом» (л. 147а). Дед автора, которого также звали Хаким тора (№ 593, л. 147а), перепутан с самим автором (л. 156а).

Разночтения, носящие конкретный характер: даты, названия и т. д.—не совпадают со списками № 592 и 593, что свидетельствует о том, что он пересказан, видимо, со списка № 63 или какого-либо иного.

Факт переложения «Мунтахаб ат-таварих» на узбекокий язык представляет большой интерес как для самого текста этого ламятника, так и для понимания процессов литературного развития в Средней Азии XIX в.

Настоящий список содержит 408 л.

Список № 595 включает так называемую компилятивную часть и историю Мангитов, которая обрывается походом эмира Насруллы в 1259/1843 г. на Хорезм. В научной литературе утверждается, что этот список «сделан в 1329/1911 г. в Коканде с того же списка (т. е. с № 592.—Э. Х.) Дамуллы Мухаммад Амина»²⁰.

Однако осуществленное нами сравнение этого списка с № 63 позволяет утверждать, что № 595 переписан с первой части (л. 1—183) № 63, которая также переписана Мухаммад Амином. Об этом свидетельствуют всевозможные разночтения. Например, имеющееся в № 595 название раздела: «Упоминание о начале государства моего брата Мухаммад Рахима диван-беги» (л. 197а) в № 593 (естественно, и в № 592) отсутствует (л. 155г; в № 63 это соответствует л. 248). Если в № 595 продолжительность жизни бухарского эмира Хусайна определяется в тридцать три года (л. 202а), то в № 593—тридцать один год (л. 160б; в № 63—л. 255). В № 595 ворота Бухары были открыты перед эмиром Насруллой в 1243 г. (л. 203а), в № 593—в 1241 г. (л. 161б; в № 63—л. 257) и т. д. Таким образом, разночтения совпадают не со списком № 592 (593), а с № 63, послужившим оригиналом для списка № 595.

Заключительные слова текста гласят: «Первый список (т. е. № 63.—Э. Х.) этой книги я, Мухаммад Амин, сын домла Инайата, [переписал] в запрещенном месяце мухарраме от лета 1260 в городе Китабе в воскресный день упомянутого месяца, второй список (т. е. № 595.—Э. Х.)—в городе Коканде от лета 1329, 21 почитаемого месяца раджаба, в день понедельника»²¹.

Встречаются недописанные слова, пропуск отдельных слов или, наоборот, даются слова, которых нет в других списках, замена слов, повторы некоторых из них. Тем не менее список очень хороший, хотя к концу рукописи переписчик, находившийся в это время в преклонном возрасте, почему-то стал опускать отдельные стихи (л. 270а и др.). Есть также незначительные пропуски текста (л. 270б и др.).

Список содержит 273 л.

Список № 596/1 включает лишь вторую часть труда, посвященную истории Мингов и путешествиям автора. Переписан «рукою немощного раба, уповающего на милость истинного аллаха Баба ходжи, сына мир Убайдуллы, сына мир Мухаммад Амина»²². По некоторым данным, он скопирован «с другого списка того же труда, переписанного в 1260/1844 г.»²³ Однако в 1260 г. было сделано одновременно несколько списков, поэтому неясно, о каком именно идет речь, к тому же из них сохранился лишь № 63. По сообщению А. Мухтарова, настоящий список переписан с душанбинского²⁴.

Заключительные слова переписчика гласят: «Переписку оригинала первого списка (т. е. № 63.—Э. Х.) вышеуказанного труда Баба ходжа завершил от лета 1260 в запретном месяце мухарраме, второго списка (т. е. № 596.—Э. Х.)—в Коканде от лета 1330 25 месяца раби ас-сани»²⁵.

Список содержит 185 л., причем л. 83—пустой.

Список № 1560—узбекская версия труда Хаким-хана. Он называется также «Интихаб ат-таварих»²⁶. Переписан в 1295/1878 г. Очень вероятно, что он скопирован со списка № 594. Имя переписчика неизвестно.

Список содержит 404 л.

Список № С 470 хранится в ЛО ИВ АН СССР²⁷. Это старый, хорошо выполненный список, переписанный 28 раби I 1259/29 апреля 1843 г. в Шахрисабзе Кари

²⁰ СВР АН УзССР. Т. I. С. 88.

²¹ Мунтахаб ат-таварих: ркп. ИВ АН УзССР, № 595, л. 273б.

²² Мунтахаб ат-таварих: ркп. ИВ АН УзССР, № 596, л. 185б.

²³ СВР АН УзССР. Т. I. С. 88.

²⁴ Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих. С. 14.

²⁵ Мунтахаб ат-таварих: ркп. ИВ АН УзССР, № 596, л. 185б.

²⁶ Там же, № 1560, л. 16.

²⁷ Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. Вып. 3. М., 1975. С. 325—329; Акимовский О. Ф.,

Аминджаном. Исходя из места и даты переписки, Н. Д. Миклухо-Маклай говорит, что он, как и список № 592, может быть одним из десяти списков с автографа. Опираясь на приписки на полях рукописи, он предполагает, что данный «список является авторским экземпляром, над текстом которого автор продолжал работать уже после окончания сочинения»²⁶.

Здесь имеется приложение (Н. Д. Миклухо-Маклай условно называет его «Продолжение»), которое в других списках отсутствует. Утеряны начало и конец «Продолжения», поэтому имя автора и название отсутствуют, но, исходя из многих признаков, Н. Д. Миклухо-Маклай считает его автором Мухаммад Хаким-хана.

«Продолжение» занимает л. 689а—707б и содержит описание событий в Кокандском ханстве за время правления Ширали-хана (1842—1845) до вступления на престол Худаяр-хана в 1261/1845 г.

Список № Д 90 также хранится в ЛО ИВ АН СССР²⁹. Как и № 594, представляет собой изложение на узбекском языке. Переписан в 1295/1878 г. в Средней Азии. Имя «переводчика» неизвестно. По данным Л. В. Дмитриевой и др., в рукописи сказано, что «перевод» сделан «по приказанию муллы Мир Саййид Насра, сына Мир Саййид Ахмад-бая»³⁰.

Список содержит 435 л.

Список № Д 225, как и № Д 90,— собственность ЛО ИВ АН СССР³¹. Это узбекский вариант сочинения. Переписан в Средней Азии в 1303/1885 г. мулла Мухаммад Якубом Дахходжа оглы.

Список содержит 311 л.

Список № 44 хранится в Ленинграде в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина³². Датруется 1877 г. Уже в другом месте Г. И. Костыгова указывает, что его переписчик — Фазил ад-дин Карн³³. Рукопись получена от К. П. Кауфмана.

Список содержит 357 л.

Список № 63 хранится в Институте истории АН ТаджССР. Прежде был он собственностью А. А. Семенова, но после его кончины в конце 1958 г. был приобретен Институтом истории. По словам А. А. Семенова, список принадлежал Хакимхану³⁴. Он переписан в Китабе двумя лицами: с 1 по 183 л.— Мухаммад Амином, о чем свидетельствуют его слова: «Рукою ничтожного из ничтожнейших, презренного раба Мухаммад Амина, сына домла Инайата, в запретном месяце мухарраме от лета 1260 в городе Китабе в воскресный день упомянутого месяца завершилась [переписка этой книги]»³⁵.

Вторая часть (л. 184—367) переписана Баба ходжей³⁶, внуком Мухаммад Амина. По словам А. А. Семенова, этот список «представляет громадную научную ценность как единственный авторитетный и авторизованный экземпляр»³⁷.

Список содержит 367 л. большого формата.

И наконец, по утверждению Р. Н. Набиева, в его распоряжении находился личный список «Мунтахаб ат-таварих»³⁸. Однако в научной литературе каких-либо сведений об этом нет.

Итак, настоящее сочинение было написано на персидско-таджикском языке, а затем пересказано на узбекском. Пока известно 11 его списков, лучшие из них — № С 470, 63 и 592.

Э. Хуршут

Кушев В. В., Миклухо-Маклай Н. Д., Мугинов А. М., Салахетдинова М. А. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР. Ч. I. М., 1964. С. 572.

²⁶ Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей... С. 327.

²⁹ Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. М., 1965. С. 51—53.

³⁰ Там же. С. 52.

³¹ Там же. С. 53.

³² Костыгова Г. И. Персидские и таджикские рукописи... С. 65.

³³ Персидские и таджикские рукописи «Новой серии» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Алфавитный каталог/Сост. Г. И. Костыгова. Л., 1973. С. 247.

³⁴ Цит. по: Мухаммед Хакимхан. Мунтахаб ат-таварих... С. 9.

³⁵ Там же. Л. 368.

³⁶ Там же. С. 9.

³⁷ Там же. С. 10.

³⁸ Набиев Р. Н. Из истории Кокандского ханства. С. 282. Прим. 4.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ш. УРАЗАЕВ, М. КАРИЕВ. ОСНОВЫ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

(Ташкент: Укитувчи, 1986. 304 с. На узб. яз.)

Издательство «Укитувчи» выпустило в свет на узбекском языке новое учебное пособие по марксистско-ленинской теории государства и права для студентов вузов. Подготовленное в соответствии с утвержденной для юридических высших учебных заведений и юридических факультетов государственных университетов программой, оно написано на должном идейно-теоретическом, методическом уровне, отражает материалы последних съездов КПСС, важнейшие партийные документы, положения Конституции СССР и действующих законодательных актов. Авторами учтены новейшие достижения советской юридической науки. По всем основным вопросам курса дается принципиальная критика буржуазных, ревизионистских, догматических и иных антинаучных концепций.

В первом разделе книги освещаются: возникновение государства и права (гл. 1), сущность, типы и формы государства и права (гл. 2 и 3), государство, право и личность (гл. 4), эксплуататорские типы государства и права (гл. 5), особенности государства и права, возникших в ходе национально-освободительной революции (гл. 6). Второй раздел посвящен социалистическому государству и праву, перспективам их дальнейшего развития (гл. 7—23).

К достоинствам рецензируемого труда надо отнести включение специальной главы о политической системе советского общества (гл. 11). Этот вопрос еще более актуализируется в свете новой редакции Программы КПСС, где ему посвящен специальный раздел. В книге убедительно показана руководящая роль КПСС в политической системе советского общества, рассматриваются другие ее составные компоненты — Советское государство, профсоюзы, комсомол, кооперация, трудовые коллективы и др.

Вместе с тем в учебном пособии имеются отдельные недостатки, неточности и спорные положения. Так, хотя структура его в целом удачна и логична, в нем все же не нашли отражения некоторые немаловажные вопросы теории государства и права. В частности, отсутствует глава «Механизм социалистического правового регулирования», хотя эта тема предусмотрена программой курса. Полезно было бы найти место и для изложения проблем эффективности действия норм социалистического права, законодательства в целом.

В главе 16 («Формы социалистического права») следовало бы сказать о правотворческой деятельности социалистического государства, его стадиях и принципах. Главу 11, на наш взгляд, целесообразнее было назвать: «Политическая система советского общества». Однако авторы почему-то вывели в название главы подтему «КПСС — руководящая и направляющая сила советской политической системы». В этой части учебного пособия трудно найти ясные ответы на следующие вопросы: что такое политическая система советского общества, из каких структурных частей (кроме институционального элемента — он содержится в работе) складывается политическая система. Недостаточно конкретно показан механизм взаимодействия звеньев советской политической системы.

Несколько упрощенно преподносится вопрос о разложении первобытно-общинного строя и возникновении государства и права (с. 21—25). Авторы не упоминают о трех крупных общественных разделениях труда, без чего читателям трудно понять основные корни и причины появления частной собственности (кстати, было бы полезно объяснить, что такое частная собственность) и разделения общества на антагонистические классы, а следовательно, и возникновение государства и права.

Нуждаются в уточнении отдельные положения книги. Например, по мнению авторов, государство участвует в формировании права (с. 46). Едва ли можно признать правомерным такое утверждение, поскольку государство само непосредственно создает, устанавливает право либо санкционирует отдельные социальные нормы в качестве правовых. Представляется спорным и определение нормативного акта. Последний по существу сводится к нормам права (с. 48 и 230). Но вряд ли это так. Во-первых, следует отметить, что понятия «нормативный акт» и «нормативно-правовой акт» не тождественны; во-вторых, нормативно-правовой акт есть акт правотворчества, акт, формулирующий, устанавливающий, изменяющий или отменяющий правила поведения общего характера (правовые нормы), регулирующие общественные отношения.

Вызывает недоумение отсутствие в учебном пособии определений ряда основополагающих категорий, как «правовая система», «законодательство», «законодательный акт», «система законодательства», «вина», «мотив правонарушения» и др. Несомненно, повысилась бы методологическая и познавательная ценность пособия, если бы в нем раскрывалось соотношение «политической системы» и «политической организации общества», «системы права» и «правовой системы», «системы (структуры) права» и «системы (структуры) законодательства» и т. п.

Авторы осветили и вопрос о роли и месте церкви и иных религиозных организаций в социалистическом обществе (с. 180—181). Но при характеристике взаимоотношений и взаимосвязей социалистического права и других социальных норм упускаются из виду религиозные нормы, которые в силу объективных причин пока еще имеют место в советской действительности, а также в жизни других социалистических государств. Было бы неправильно обходить вниманием то влияние, которое оказывают религиозные нормы на сознание и поведение некоторой части населения. К сожалению, в ряде выводов и суждений авторов по поводу социальных норм не учитывается бытование в условиях социалистического общества религиозных норм.

Согласно Конституции СССР 1977 г. советские законы могут быть приняты и путем референдума — всенародного голосования (ст. 5). Однако в книге это положение специально не подчеркивается, авторы ограничиваются лишь освещением традиционных стадий законодательного процесса (законодательная инициатива, обсуждение законопроекта, принятие и опубликование закона), происходящего в стенах Верховного Совета, на его сессиях (с. 232). Более того, на с. 217 референдум трактуется как всенародные выборы. Последнее не согласуется с прежним пониманием данного института. Как известно, по Конституции СССР 1936 г., референдум определялся как всенародный опрос (п. «д» ст. 49).

В пособии допущен ряд терминологических неточностей, что иногда затрудняет адекватное понимание тех или иных государственно-правовых явлений. Например, общественная власть, существовавшая в первобытном обществе, и публичная (политическая) власть, присущая классовому обществу, обозначаются одним выражением «ижтимой хокимият» (с. 24 и 27). Правовые категории «законодательство» и «законность» в работе обозначаются одним термином «қонунчилик» (с. 51, 53, 165—168, 249—254). Известно, что перечисленные русские слова пока не имеют своего эквивалента в юридической терминологии узбекского языка. Это — общая проблема, стоящая перед филологами и правоведами Узбекистана. Именно этим можно объяснить затруднительное положение авторов. И все же следовало делать соответствующие оговорки при употреблении отдельных терминов. Спорным представляется также употребление термина «юридик масъулият» в качестве аналога понятия «юридическая ответственность» (с. 66, 207, 223, 251, 262 и гл. 26). Как нам представляется, слово «масъулият» соответствует (означает) «активной ответственности» в русском языке. Поэтому, когда речь идет о ретроспективной ответственности, т. е. об ответственности, наступающей после совершения правонарушения, правильнее было бы писать «юридик жавобгарлик». Вряд ли можно согласиться с авторским переводом таких русских терминов, как «публичное право» — «ошқора ҳуқуқ» (с. 242), «представительный орган» — «ваколатли орган» (с. 147, 163). Здесь перевод термина «публичное право» оказался не совсем удачным и означает по-узбекски «гласное право», а термин «представительный орган» переведен как «компетентный орган». Думается, что наиболее точным был бы перевод этих терминов следующим образом: «публичное право» — «умумий ҳуқуқ» (кстати, на с. 247 авторы так и пишут), а «представительный орган» — «вакиллик органи».

Не свободно учебное пособие и от отдельных повторов (с. 123—124 и 139—140, 173—182 и 285—288), противоречий (с. 51, 213), стилистических неточностей (с. 39, 74, 205 и др.), опечаток (с. 3, 22, 49 и др.).

В целом же следует признать, что авторам удалось справиться с поставленной задачей и создать полезное учебное пособие для изучающих основы марксистско-ленинской теории государства и права.

*М. М. Файзиев, Х. Т. Адилкариев,
Ш. И. Джалилов*

НОВЫЕ КНИГИ

АЛЬ-ФАРАБИ, АБУ НАСР МУХАММАД. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ТРАКТАТЫ

(Алма-Ата: Наука КазССР, 1985. 623 с. Пер. с араб.)

В последнее время благодаря кропотливой творческой работе советских ученых в оборот мировой философской литературы вовлечен целый ряд произведений великого ученого и мыслителя Средней Азии Абу Насра Фараби (873—950)¹.

¹ Подробнее об издании текстов произведений Фараби в СССР см.: Лунина Б. В. Библиографический указатель советской литературы об Абу Насре Фараби и изданий текстов его произведений в СССР // *Общественные науки в Узбекистане*. 1973. № 6. С. 88—95; Милибанд С. Д. Ал-Фараби в СССР: Библиография // *Ал-Фараби. Научное творчество*. М., 1975. С. 159—181; Хайруллаев М. М. Абу Наср ал-Фараби. М., 1982. С. 86—89; Бурабаев М. С. и др. О логическом учении аль-Фараби. Алма-Ата, 1982. С. 3.

Рецензируемая книга представляет собой очередной сборник трудов ученого, впервые переведенных с арабского на русский язык.

Вступительная статья сборника предваряется кратким экскурсом, освещающим наиболее важные библиографические данные о Фараби. Затем дается характеристика его воззрений и их роли в истории. Статья завершается обстоятельным анализом включенных в сборник произведений Фараби.

Первым в сборнике помещен трактат «Философия Платона и ее части. Расположение этих частей от начала и до конца». Он состоит из семи частей и 32 параграфов, в которых Фараби определяет этапы формирования и развития взглядов Платона о достижении счастья.

Во втором трактате — «Сущность «Законов» Платона» — мыслитель своеобразно и критически воспринимает платоновский диалог-трактат как некое практическое руководство для государственных деятелей по организации различных сторон жизни общества.

Третий трактат — «Философия Аристотеля» — состоит из девятнадцати частей, в которых дан своеобразный анализ всего научного наследия великого Стагирита.

В четвертой работе трактуются важнейший раздел философского учения Аристотеля — так называемая «первая философия», где перечисляется и кратко излагается содержание 12 глав «Метафизики» Аристотеля. Трактату предпослано пространное введение, в котором Фараби говорит о причинах, побудивших его написать данную работу.

Пятое сочинение Фараби — «О трактате великого Зенона по высшей науке», — как и предыдущая работа ученого, посвящено историко-философской тематике.

В шестой работе — «Диалектика» — трактуются в основном логико-гносеологические вопросы.

В целом издание рецензируемого сборника стало серьезным вкладом в изучение научного наследия Абу Наора Фараби.

А. Л. Казибердов

ХРОНИКА

XIV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО СТЕКЛУ

2—8 марта 1986 г. в Нью-Дели (Индия) состоялся XIV Международный конгресс по стеклу, созданный по инициативе Международной комиссии по стеклу при ЮНЕСКО и Всеиндийским обществом стекольной и керамической промышленности. В работе конгресса участвовали ученые более 30 стран, в том числе большая делегация советских ученых под руководством директора Института химии силикатов АН СССР, акад. М. М. Шульца. В ее составе был и автор этих строк.

Работа конгресса была весьма насыщенной. Доклады охватывали почти все области современного стеклодела — структура стекол, их свойства, техника и технология, области применения, методы контроля и анализов, история стеклодела народов мира. Всего на 19 секциях было заслушано более 400 докладов и сообщений.

Большой интерес вызвала, в частности, работа секции «Археометрия стекла», где рассматривались исторические проблемы стеклодела. Так, доктор Р. Х. Брилл (США) сделал доклад о химических анализах древних стекол Индии, а известный индийский ученый, проф. Б. Б. Лал — о технологии стекол в древней Индии.

Проф. З. Фуканг (КНР) в своем докладе «Происхождение и развитие стекла в древнем Китае» сообщил о том, что в составе древнекитайских стекол выявлено наличие окисей свинца и бария. В докладах других китайских специалистов отмечалось, что ими впервые для Китая в изделиях периода династии Младшая Хань (25—220 гг. н. э.) обнаружены калиево-кремнеземные («поташные») стекла, ранее считавшиеся характерными лишь для Восточной Европы.

О японских стеклах от протонисторического периода по XIX в. сделал сообщение проф. К. Яасаки.

Доклад автора этих строк был посвящен изучению связей Индии и Средней Азии по данным химического анализа древних стекол. При этом впервые поставлен вопрос о взаимовлиянии составов и рецептов древних стекол. На базе сравнения химических анализов выявлено 4 категории стекол — появившиеся в Индии под влиянием более ранних центров стеклодела (Египет, Рим), самостоятельные, произведенные на месте, и перешедшие в Индию из Средней Азии или наоборот. Выступившие по докладу проф. Б. Б. Лал (главный химик Национального музея Индии в Дели), доктор Х. Ч. Барадвай (руководитель Отдела археологии Индийского университета в Варанаси), доктор Р. Х. Брилл (руководитель исследовательского центра Корнинского музея стекла в США) и др. высоко оценили доклад и высказались за установление более тесных контактов в изучении древних стекол.

Работа конгресса свидетельствовала о возросшем в мире интересе к древним стеклам, значительному расширению методов их изучения и появлении новых, весьма перспективных методов анализа древних образцов (атомно-адсорбционный анализ, радиоизотопный метод анализа по свинцу и др.).

Участники конгресса ознакомились с научными достижениями дружественной Индии, знаменитыми архитектурными памятниками Дели и Агры.

А. А. Абдуразаков

К 80-ЛЕТИЮ А. М. АМИНОВА (1906—1981)

Исполнилось 80 лет со дня рождения одного из видных ученых-экономистов Узбекистана Алима Муминовича Аминова. Он родился в 1906 г. в Коканде в семье бедного кустика. В 1918 г. поступил в школу-интернат, где получил начальное образование. В 1919 г. вступил в комсомол, был одним из первых организаторов пионерского движения в Узбекистане, активным участником борьбы с детской беспризорностью.

В 1925 г., во время ленинского призыва, А. М. Аминов был принят кандидатом в члены РКП(б), а в 1927 г. — действительным членом ВКП(б).

В 1922—1926 гг. А. М. Аминов — студент Узбекского краевого института просвещения, затем преподаватель техникума. Проявив большой интерес к общественным наукам, он поступил на историко-экономический факультет Государственной педагогической академии в Самарканде (впоследствии — Узбекский государственный университет, ныне СамГУ им. А. Навои). Успешно закончив Академию в 1930 г. по специальности «политическая экономия», он был направлен на педагогическую работу во вновь организованный в Самарканде сельскохозяйственный институт, а в 1932 г. — в хлопковый институт в Коканде, где до августа 1934 г. работал заместителем директора по учебной и научной работе и заведующим кафедрой общественных наук. В связи с переводом Кокандского хлопкового института в Самарканд был переведен на работу в Ташкентский вечерний педагогический институт. С тех пор до последних дней жизни А. М. Аминов непрерывно работал в высших учебных заведениях Ташкента. В годы Великой Отечественной войны он выполнял ответственные партийные задания.

В 1944—1948 гг. А. М. Аминов был директором Института экономики АН УзССР и одновременно ученым секретарем Академии. В 1938—1952 гг. А. М. Аминов был также доцентом, зав. кафедрой политэкономии Ташкентского текстильного института; в 1952—1966 гг. — доцентом, зав. кафедрой политэкономии Ташкентского института народного хозяйства (ТИНХ); в 1966—1969 гг. — директором и зав. кафедрой политэкономии ИПК при ТашГУ им. В. И. Ленина, а с 1969 г. до конца жизни — вновь зав. кафедрой ТИНХ.

В 1942 г. А. М. Аминов защитил в САГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина) диссертацию «Ликвидация технико-экономической и культурно-технической отсталости Узбекистана», а в 1955 г. (в МГУ) — докторскую «Очерки по экономической политике царской России в Средней Азии (со второй половины XIX века до начала первой мировой войны 1914—1918 годов)». Еще в 1933 г. ему было присвоено звание доцента, в 1959 г. — профессора, в 1964 г. — заслуженного деятеля науки Узбекской ССР, в 1968 г. он был избран членом-корреспондентом АН УзССР.

Основные направления научной деятельности А. М. Аминова находились на стыке политической экономии социализма и экономической истории народов Средней Азии. На протяжении ряда лет он разрабатывал проблему закономерностей и особенностей социалистического строительства в ранее отсталых районах.

Перу А. М. Аминова принадлежит более 60 научных работ, общим объемом свыше 100 п. л., в том числе монографии «Экономическое развитие Средней Азии в колониальный период», «Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России», цикл работ по проблемам некапиталистического пути развития народов ранее отсталых районов, закономерностям и особенностям социалистического строительства в республиках Советского Востока, актуальным вопросам политэкономии социализма и коммунизма.

А. М. Аминов был организатором и научным руководителем разработки многих комплексных проблем, соавтором и ответственным редактором ряда крупных монографий, обобщающих трудов и учебников. Он принимал активное участие в международных, всесоюзных, региональных и республиканских научных форумах. Некоторые его работы опубликованы за рубежом.

Большое внимание уделял А. М. Аминов подготовке научных кадров высшей квалификации. Под его руководством более 40 человек защитили кандидатские и докторские диссертации.

А. М. Аминов был членом ряда ученых советов, в течение многих лет — членом редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане». Он активно участвовал в общественной жизни.

Партия и правительство высоко оценили многогранную деятельность А. М. Аминова. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета УзССР, удостоен звания «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР».

Память об Алиме Муминовиче Аминове навсегда сохранится в сердцах тех, кто его знал и работал с ним.

СОДЕРЖАНИЕ

Решения XXVII съезда КПСС — в жизнь!

Л. М. Бурханова. Вопросы федерации и советского национально-государственного строительства в Программах КПСС	3
Д. В. Валиева. XXVII съезд КПСС и некоторые аспекты современного национально-освободительного движения	8
Г. П. Саркисянц. Укрепление социалистической законности и задачи правовой науки в свете решений XXVII съезда КПСС	14

Научные сообщения

Ю. С. Ахтямова. Против искажения буржуазными фальсификаторами дружбы народов СССР в годы Великой Отечественной войны	21
С. Н. Ермишин. О сущности и особенностях естественнонаучного материализма	23
М. К. Арипов. О социальной направленности утопических идей	27
Н. С. Кариева. Из истории женского образования в Индии	32

Новое в науке: поиски, находки, открытия

Г. А. Пугаченкова. Очажные подставки из Булакбаши (К идеологии древнего скотоводческого населения Самаркандского Согда)	34
С. Б. Лунина, З. И. Усманова. Персонаж со змеями на фрагменте оссуария	37
А. Р. Мухамеджанов, М. Х. Годин, К. А. Крахмаль. Некоторые результаты археологических исследований в Пайкендском микроазисе	41

Источниковедение

Э. Хуршут. «Мунтахаб ат-таварих» и его списки	41
---	----

Критика и библиография

М. М. Файзиев, Х. Т. Адилкарнев, Ш. И. Джалилов. Ш. Уразаев, М. Кариев. Основы марксистско-ленинской теории государства и права: Учебное пособие для студентов вузов	46
--	----

Новые книги

А. Л. Казибердов. Аль-Фараби, Абу Наср Мухаммад. Историко-философские трактаты	47
--	----

Хроника

А. А. Абдуразаков. XIV Международный конгресс по стеклу	48
К 80-летию А. М. Аминова (1906—1981)	49

Цена 65 к.

Индекс
75349